

ОЛЬГА КУНО

Записки фаворитки
его высочества

Ольга Куно

Записки фаворитки

Его Высочества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68497850

SelfPub; 2022

Аннотация

После смерти короля Истленда принц Рауль готовится взойти на престол. Однако кто-то пытается воспрепятствовать молодому человеку, методично покушаясь на его жизнь. Айрин Рэндалл, обладательница редкого магического дара находить общий язык с животными, помогает принцу в поисках преступника. Для того чтобы оказаться в кругу представителей королевской крови, она притворяется фавориткой его высочества. Сможет ли Айрин вычислить преступника? Удастся ли ей, погрузившись в хитросплетение дворцовых интриг, сохранить собственную жизнь? И, наконец, сумеет ли мнимая фаворитка устоять перед подлинным обаянием принца?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	49
Глава 4	77
Глава 5	93
Глава 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ольга Куно

Записки фаворитки Его Высочества

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Рандеву в опочивальне

– Рональд, хватит! Прекрати! – воскликнула я, давась от хохота.

Разумеется, никакого эффекта мои слова не возымели. Как достойный представитель мужского пола, Рональд точно знал, чего хочет. Посему он полез обниматься и вскоре повалил меня на траву.

– Ну что ты делаешь?

Я попыталась вырваться, но не тут-то было: он буквально пригвоздил меня к земле всем своим весом. Рубашка, верхняя пуговица которой была расстегнута из-за жары, сдвинулась набок, обнажая половину плеча.

– Прекрати целоваться, на нас же все смотрят! Ой нет, только не в губы! Ты же знаешь: я этого терпеть не могу!

Я отвернулась, стараясь спрятать свой рот от его шаловливого языка. В этот момент к нам нахально присоединился Генри, решивший, по-видимому, что без его участия веселье получится неполным. Он принялся мягко покусывать меня за ухо, и уж тут-то я не выдержала.

– Рональд, фу! Сидеть! – рявкнула я, стараясь придать своему тону максимальную серьезность. И тут же застонала: – Да не на мне сидеть, а на земле!

Рональд, лучший волкодав его величества, вес которого превышал пятьдесят килограммов (вес волкодава, не его величества; впрочем, его величества, вероятно, тоже), послушался и наконец-то соизволил переместить свою тушу на травку. Я с наслаждением втянула воздух в пострадавшие легкие. Оказывается, иметь возможность нормально дышать – это такое счастье!

Я поднялась на ноги и стала энергично отряхивать одежду. Рабочие брюки и рубаша на то и существуют, чтобы пачкаться, но на этот раз я перемазалась слишком уж сильно. Все-таки служу не где-нибудь, а в королевском дворце, а такому месту работы следует соответствовать. Генри, серый попугай жако, перелетел ко мне на плечо и, вольготно там расположившись, принялся чистить перья.

Растирая рукой занывшую шею, я окинула взглядом свои владения – Третью Королевскую оранжерею. Именно здесь проводили большую часть времени лучшие королевские псы, соколы, а также различные экзотические животные, список которых включал двух огромных черепах, нескольких попугаев, пару павлинов и крупную зеленую игуану. Периодически власть имущие вспоминали о той или иной зверушке и уделяли ей немного внимания: гончие и соколы требовались мужчинам для охоты, дамы жаждали поиграться с болонками, а иногда сильные мира сего желали похвастаться редкими животными перед иноземными гостями. В этих случаях требуемые звери ненадолго покидали пределы оран-

жереи, или же – еще более редко – первые люди государства заходили прямо сюда. Затем о здешних обитателях благополучно забывали до очередного случая порезвиться либо похвастаться, и все остальное время ими занималась я – Говорящая с Животными, или просто Говорящая.

Работы у меня было немало. Помимо того чтобы кормить и поить животных, а также лечить их в случае необходимости, в мои задачи входило обучать их определенным навыкам, а также просто уделять необходимое им внимание. Я не жалею. Я люблю свою работу, а это редкое счастье, обладая которым, грех жаловаться на мелочи. Однако животных в оранжерее становилось все больше, а я по-прежнему оставалась одна, и времени мне определенно не хватало. Необходим был помощник, но таковой все никак не появлялся. Нас, Говорящих, умеющих находить общий язык со зверями и птицами, на свете не так уж и много; мы имеем славу людей, обладающих редким талантом, и потому пользуемся определенным уважением. Но для того чтобы попасть на службу во дворец, одного лишь таланта мало; тут требуется соответствовать и некоторым другим критериям, совокупность которых встречается крайне редко. Я как раз и являюсь тем самым редким исключением, что позволило мне в свое время получить нынешнюю работу. Но об этом позже.

Сегодня мои собаки сильно разленились. Если Рональд еще был готов хотя бы играть, то все прочие и вовсе развалились на траве, лениво нежась в солнечных лучах, прони-

кающих в оранжерею сквозь застекленные участки крыши. Я конечно же оговорилаcь. Все-таки это не мои собаки, а собаки его величества. Хотя нет, пожалуй, его высочества. Тут недолго и запутаться. Все дело в том, что наш король, Эдвард Пятый Истлендский, скончался от тяжелой болезни всего неделю назад. Скончался на семидесятом году жизни, что делает его буквально-таки долгожителем для члена королевской фамилии. Впрочем, это не означает, что он необыкновенно долго правил: Эдвард занял трон в довольно-таки почтенном возрасте, лет десять тому назад или что-то около того. Ранее нашей страной правили представители другой династии, кажется, приходящиеся нынешним правителям какими-то дальними родственниками... Впрочем, я не слишком хорошо в этом разбираюсь: меня совсем не интересует политика. Учитывая, что я живу и работаю во дворце, это может показаться странным, но факт остается фактом: государственные дела и придворные сплетни – не моя стихия. Кое-какие слухи до моих ушей, безусловно, доходят, но по большей части столь же благополучно из них и вылетают.

Так вот, возвращаясь к теме наших королей. Эдвард Пятый пережил обоих своих сыновей и потому не мог передать им трон. Прямым наследником престола являлся теперь принц Рауль, внук Эдварда. Однако королем он пока не стал. В силу давно установленных традиций после смерти короля его последователь мог быть коронован не ранее, чем по истечении тридцати дней траура. Поэтому де-факто во дворце,

да и во всем государстве, правил Рауль, однако формально новый хозяин здесь еще не появился. Так что даже и не знаю, кому именно на данном этапе официально принадлежат мои подопечные, да и принадлежат ли они кому бы то ни было.

Поскольку работать собаки в любом случае не настроены, я подумала, что неплохо бы что-нибудь перекусить, и сладко потянулась. Любопытно, который час? Я встала на цыпочки, но висящих на стене часов отсюда видно не было. Можно не лениться и сделать несколько шагов в их направлении, но зачем? В моем распоряжении значительно более удобный способ.

– Генри, время! – скомандовала я.

Жако взмахнул крыльями, взмыл в воздух и ненадолго исчез из виду, скрывшись за листвой экзотических деревьев. Секунд двадцать спустя он вернулся и, снова опустившись мне на плечо, своим характерным голосом внятно произнес:

– Четыре и.

Это означало пятый час. Я планировала обучить его также и минутам или как минимум посмотреть, что получится из этой затеи, но все никак не находила время. Ну что ж, пяти еще нет, но это не беда, можно и сейчас перехватить пару бутербродов. В конце концов моя фигура покамест позволяет не слишком тщательно придерживаться графика в приеме пищи...

Скрип гравия на дорожке, петляющей среди причудливых растений, заставил меня нахмуриться. Кто-то приближает-

ся к нам со стороны главного входа, и это отнюдь не собака. Такой шум мог возвещать лишь о приближении человека. Приятелей, которые могли бы без предупреждения навестить меня в моей обители, немного, и это определенно не один из них. Я вышла на дорожку и остановилась, выжидательно глядя на раскидистый куст сирени, из-за которого вот-вот должен был появиться незванный посетитель.

Мои ожидания не замедлили оправдаться. Судя по сиреневой нашивке на камзоле, равно как и по непропорциональному чувству собственной значимости, буквально-таки написанному на лице, это кто-то из личных слуг принца. Может, телохранитель, а может быть, паж или еще что-нибудь в таком духе; я плохо разбираюсь в этих вещах. В общем, не слишком-то и важная персона.

– Айрин Рэндалл? – спросил он, останавливаясь в паре шагов от меня и всеми силами стараясь игнорировать болонку, принявшуюся сосредоточенно обнюхивать его штанину.

– Да.

Никакой охоты в ближайшее время вроде бы не намечалось. Должно быть, кому-то из власть имущих в очередной раз захотелось поиграть с одной из моих собачек и этого парня прислали сюда в качестве курьера.

– Его высочество принц Рауль велел передать, что сегодня вечером он ждет тебя в своей опочивальне, – торжественно провозгласил вновь пришедший.

Я захлопала глазами. Это что еще за новости?! У меня

в этом дворце совершенно другие задачи. Какая, к дьяволу, опочивальня?

Нет, наш принц, конечно, не святой. И женщины в его опочивальне действительно не редкость, если верить всем тем слухам, которые так стремительно разносятся по дворцу. Лично я, сплетнями совсем не интересующаяся, волей-неволей слышала как минимум про двух придворных дам и двух горничных. Но я-то тут при чем?!

Разумеется, мы с принцем периодически пересекались в силу выполняемых мною обязанностей. Вернее сказать, принц время от времени пересекался с моими подопечными, к примеру, на охоте, а я просто присутствовала в эти моменты в качестве бесплатного к ним приложения (хм, не такого уж на самом-то деле и бесплатного, но это к делу не относится). Я ему при этом глазки не строила, он мне – тем более, да наверняка он даже и не замечал, кто именно привел и увел ту или иную собаку. К тому же в последний раз мы с ним виделись таким образом довольно-таки давно, даже не припомню, когда именно, возможно, недели три или четыре назад. Так какая же муха его укусила? Дайте мне эту муху, я сперва оборву ей крылышки, а уж потом безжалостно прихлопну.

– Ну что, язык проглотила? – грубо осведомился посланник принца. – Времени до вечера достаточно, давай-ка приведи себя в порядок. – Он смерил меня критическим взглядом. – Отмойся как следует, причешись, надушись, ну и все,

что там еще нужно.

Если бы он вел себя чуть менее нагло, у меня пропал бы дар речи. Но от такой степени наглости дар речи, напротив, прорезался.

– Да как ты смеешь? – возмутилась я, упирая руки в бока. Собаки оскалились и зарычали, безошибочно определив мое настроение. – Ты вообще соображаешь, с кем разговариваешь?!

Он не был обязан оказывать мне уважение как Говорящей, однако ему не следовало забывать, что я к тому же еще и дворянка, пусть и самой низкой ступени. А как же, можно подумать, что к любимым королевским гончим подпустили бы простолюдинку. Именно по этой-то причине и было так сложно найти человека, подходящего для работы в оранжерее. Попробуйте найти Говорящего, который был бы в то же время и дворянином, к тому же готовым поступить на такого рода службу, для аристократа далеко не самую престижную. Но факт остается фактом: дворянское происхождение у меня имеется, и то, что я с утра до ночи вожусь с соколами и собаками, еще не дает права первому встречному разговаривать со мной таким тоном.

– Еще одно подобное слово, и я спущу на тебя собак! Я тебе не продажная девка, а ты не мой сутенер.

– Так я и веду тебя не к кому попало, – резонно возразил парень. – Да ладно, не кипятись. – Не то чтобы он извинился, но во всяком случае заговорил примирительным тоном. – И

в твоих, и в моих интересах, чтобы принц остался доволен; в противном случае нам обоим не поздоровится. Так что давай подготовься как следует; принц ждет тебя ровно в девять, я приду за тобой без десяти. Да, и вот еще, – он сунул мне в руки какой-то сверток, – приоденься.

Больше ничего не говоря, он развернулся и направился к выходу подозрительно быстрым шагом. Видимо, все-таки не остался равнодушным к моей угрозе спустить на него собак. Я смотрела посланцу принца вслед, задумчиво пожевывая губами. Ровно в девять, а? У его высочества что же, даже прилив сексуального возбуждения происходит строго по часам?

В груди все кипело и клокотало, но принимать решение я не спешила. Этот мальчик на побегушках (какой там су-тенер, так, курьер, по приказу доставляющий принцу понравившуюся игрушку) в чем-то прав. Откровенно перечить принцу чревато крайне неприятными последствиями. Не прийти к нему в опочивальню, раз уж ему взбрела в голову такая фантазия, попросту невозможно. Но и идти туда я тоже не намерена.

Обдумывая эту тупиковую ситуацию, я автоматически развернула сверток – и злость забурилась во мне с новой силой. Внутри обнаружилось платье ядовито-розового цвета, до неприличия короткое, украшенное многочисленными рюшами и кружевами.

– М-да, ваше высочество, а вкус-то у вас даже не хрома-

ет, – пробормотала я. – Он у вас просто безногий.

А что, если... Я снова оглядела платье, брезгливо удерживая его перед собой большим и указательным пальцами. Ладно, ваше высочество, уговорили. Я приду к вам в опочивальню и даже буду там ровно в девять часов. Вот только я сделаю так, чтобы в девять ноль пять вы сами прогнали меня прочь.

Отыскав завалявшиеся в одном из сундуков подсобного помещения ножницы, я принялась за работу. Мягкая розовая ткань резалась легко, и мне стоило немалых трудов удерживать саму себя от излишнего рвения. Уж очень хотелось выместить всю степень своего бешенства на ни в чем, в сущности, не повинном куске материи. Получив наконец то, что показалось мне вполне удовлетворительным результатом, то бишь наряд, подходящий для чучела гораздо более, нежели для любовницы, я поспешила приступить к примерке. Увы, увиденное в зеркале не оправдало моих ожиданий. Многочисленные разрезы получились до отвращения аккуратными. К тому же они не делали меня похожей на чучело, а, напротив, придавали платью излишней сексуальности, колышась при малейшем моем движении и обнажая в такие моменты бедра и плечи.

Ну хорошо, нет так нет. Легко сдаваться я не собиралась. Платье пало смертью храбрых, но идея осталась. Я принялась копаться в сундуках. Где там моя самая старая, безнадежно заляпанная одежда, которую я оставила на случай ре-

монта? Следовало поторопиться, чтобы успеть также позаботиться о причёске и макияже. Ну, ваше высочество, держитесь. Вы сами наравались. Не будь я Айрин Рэндалл, если через две минуты моего пребывания в опочивальне у вас не отпадет всякое стремление к любовным утехам!

Когда ровно без десяти минут девять к входу в оранжерею подошел все тот же хамоватый слуга, я была абсолютно готова. Человека принца я встретила снаружи, в коридоре, закутанная в длинный серый плащ. Лицо скрывал низко опущенный капюшон. В ответ на недовольное восклицание моего сопровождающего я заявила, что не намерена губить свою репутацию, прилюдно заходя в покои принца в столь поздний час. Может, мое объяснение и не слишком ему понравилось, но тем не менее он его проглотил. Быстро прошагав мимо покоев принцессы Мелинды, младшей сестры Рауля, и комнат, отведенных для ее фрейлин, мы прошли на территорию принца, миновали пост стражи и остановились возле одной из дверей. Мой провожатый почтительно постучал, приоткрыл дверь и сделал мне знак входить. Я проскользнула внутрь, на ходу скидывая плащ. Дверь беззвучно закрылась, оставляя меня один на один с его высочеством.

Комната оказалась довольно-таки просторной, слишком просторной для опочивальни, на мой скромный взгляд. Приличную часть помещения занимала роскошная кровать с несколькими подушками, в творческом беспорядке разбро-

санными поверх темно-зеленой постели. Хорошо, что не красной. Стало быть, кое-какой вкус у его высочества все-таки есть... Я также отметила, что постель аккуратно застелена. Значит, меня не пригласили сюда седьмой по очереди. Впрочем, это-то как раз волновало меня меньше всего.

Рядом с кроватью я заметила канделябр с пятью свечами, установленный на специальной круглой подставке. Дополнительные подсвечники были прикреплены к стенам. На невысоком столике, тоже круглом, стояли две вазы – одна с фруктами, другая с какими-то сладостями, – а также бокалы, наполненные шипучим вином. Справа и слева я углядела по одной двери. Левая, без сомнения, вела в другие комнаты, относившиеся к покоям принца, вроде приемной, кабинета и прочая, а вот предназначение правой оставалось для меня загадкой. Быть может, это специальный чулан, в котором постоянно сидит шпион, записывающий каждое произносимое в комнате слово? Каково же в таком случае ему приходится в те часы, когда принца посещает очередная пассия?

Подметить остальные детали интерьера я не успела, поскольку в поле моего зрения появился сам принц Рауль. Одет он был, мягко говоря, неофициально: в длинный шелковый халат, перехваченный на поясе узким шнурком с бахромой по краям. Правда, внизу из-под халата выглядывали домашние брюки, что не могло меня не порадовать. Несмотря на столь неформальное одеяние, выражение лица принца было таким же высокомерным, как и обычно. Вообще все предста-

вители королевской фамилии смотрели на простых смертных так, что те моментально чувствовали себя мусором и испытывали непреодолимое желание самостоятельно замеситься в совочек.

– Ваше высочество. – Я присела в подобающем случае реверансе.

При взгляде на меня глаза принца округлились, и он инстинктивно отступил назад. Рауль остановился, лишь нагнувшись на край кровати, с трудом сохранил равновесие и вытянул вперед руку, будто намереваясь нарисовать в воздухе треугольник – знак от сглаза. Стоит ли говорить, что я была крайне довольна произведенным эффектом.

– Что это? – хрипло спросил его высочество.

– Что именно?

Я оглянулась, якобы пытаюсь понять, что же так сильно встревожило наследника престола.

Принц наконец сумел вернуть себе некоторую долю самообладания и принялся разглядывать меня, склонив голову набок.

– Это ты – Айрин Рэндалл, Говорящая? – осведомился он.

– Она самая, ваше высочество. Прибыла по вашему приказанию.

Я стрельнула в него глазками. Учítывая длинные черные стрелки на мертвенно-бледном фоне и изображенные под глазами синяки, эффект должен был получиться незабываемый.

– Угу. – Рауль склонил голову на другой бок и продолжил скептически исследовать взглядом посетившее его опочивальню чудо. – А что это на тебе? – спросил он в конце концов.

– Это мое самое лучшее платье, – с гордостью констатировала я.

Принц посмотрел мне прямо в глаза, видимо пытаюсь прочитать в них издевку. Напрасно. Думаю, такого прямого, искреннего и наивного взгляда ему давно не доводилось встречать.

– А что это за коричневые пятна на твоём самом лучшем платье?

– Ну, – я изобразила смущение, – видите ли, ваше высочество, когда приходится иметь дело с собаками... доводится пачкаться во всяком там... как бы это сказать... ну в земле, например. Опять же надо и блох всяких там ловить, клещей выколупывать... ну вы знаете.

И снова искренний немигающий взгляд.

– Любопытно, – даже не знаю, обращался ли принц ко мне или задавал вопрос в пространство, – запах у этого платья такой же, как и внешний вид?

Если бы! У меня приличные псы. Сколь я этого ни хотела, мне не удалось заставить ни одного из них задрать лапу прямо над этим, с позволения сказать, одеянием.

– Желаете, чтобы я подошла поближе? – с готовностью предложила я.

– Стой где стоишь, – быстро ответил Рауль, выставя вперед руку.

Я позволила себе победоносную улыбку, но только мысленно. Конечно, постою, ваше высочество, но будет еще лучше, если вы прикажете мне отправиться отсюда куда-нибудь подальше.

С последним принц, однако, не спешил.

– А что у тебя на лице? – продолжил допрос он.

Ну право же, словно Красная Шапочка, повстречавшаяся с волком вместо любимой бабушки!

– Это мой самый лучший макияж, – с готовностью сообщила я.

И это чистая правда. Еще бы не самый лучший! На этот макияж я потратила добрых полтора часа; никогда прежде со мной такого не случалось. Белила, наложенные на лицо толстым слоем, придали ему нужный неестественно-бледный оттенок, идеально контрастировавший с подведенными черным глазами. Белизну нарушали также два круглых пятна на щеках, выполненных при помощи свеклы. Довершали композицию упомянутые выше синяки под глазами.

– Ну да. – Принц задумчиво кивнул. – А на голове у тебя что? Нет-нет, не отвечай, я сам знаю. Это твоя самая лучшая прическа.

Какой умный мальчик!

– Истинно так, ваше высочество.

А что, очень даже классическая прическа. В эпоху мое-

го детства такие называли «я у мамы вместо швабры». Времени на нее ушло значительно меньше, чем на макияж. Я всего-то-навсего собрала волосы в хвост на самой макушке, предоставив им затем распасться по голове в художественном беспорядке. Плюс еще оставила немножко жиденьких прядок в распущенном виде.

– И что же, ты сама так вырядилась? Или помогал кто? – поинтересовался принц.

Что-то эта дискуссия затянулась. Не пора ли уже раскладываться? Сказал бы что-нибудь о том, что провел со мной незабываемый вечер и искренне надеется, что такое времяпрепровождение никогда больше не повторится.

– Что вы, ваше высочество, я все всегда делаю сама.

– Какое совпадение – я тоже, – бросил он в ответ.

Ну да, конечно. Если не считать того, что одевает вас лакей, бреет бородой, еду готовит повар, законы небось придумывают советники, записывают их секретари, ну и дальше по списку. Ну а в опочивальне – да, тут вы наверняка справляетесь сами.

– Ладно, перейдем к делу, – прервал ход моих мыслей принц, и у меня все похолодело внутри. После всего, что он только что увидел, до дела дойти никак не должно было. – Мне горячо рекомендовала тебя графиня Ниретская.

У меня вытянулось лицо. Ну да, с графиней я хорошо знакома, прекрасная тетка... ну то есть дама. Вот уж не думала, что она по этой части... Стоп, что за бред?!

– Простите, ваше высочество, – пробормотала я, – в каком именно качестве она меня рекомендовала?

– Да расслабься, не в том, в котором ты думаешь, – отмахнулся Рауль.

Впервые за время нашего с ним общения я испытала чувство растерянности.

– Графиня рекомендовала тебя как человека неподкупного, – он принялся загибать пальцы, – аполитичного, умного и умеющего находить нестандартные решения. В последнем я только что имел возможность убедиться.

Я почувствовала, что краснею. Одна радость: под толстым слоем белил этого точно не видно.

– Она также сообщила мне, – продолжал принц все тем же деловым тоном, – что год назад тебе удалось вычислить у нее в доме вора. И это был не первый случай. За несколько месяцев до этого ты разоблачила слугу, похитившего важные документы у ее сестры.

– Припоминаю. Правда, те воры совершили слишком много ошибок, – зачем-то включила скромность я.

– Преступники всегда совершают ошибки, впрочем, так же, как и все остальные, – отозвался принц. – Но для того чтобы их поймать, нужен человек, который сумеет этими ошибками воспользоваться. Далее, мне известно, что ты – Говорящая, притом одна из лучших. Все это делает тебя именно тем человеком, который мне нужен.

– Нужен для чего?

Я по-прежнему пребывала в полной растерянности. Очевидно лишь одно: речь точно идет не о постели.

– Если в двух словах, то кто-то очень хочет отправить меня на тот свет. – Это было сказано совершенно будничным тоном. – Моя цель ясна: найти злоумышленника, а до того не дать его попыткам увенчаться успехом. В этом ты можешь быть мне полезна, в том числе как Говорящая. Но, разумеется, в таком случае тебе придется заняться делом, которое не входит в твои прямые обязанности. Ты на это готова?

– А... как же ваш начальник охраны? – осторожно спросила я. Принцам не говорят «нет», но я даже обсуждать политику не люблю, а уж лезть в нее на практике, тем более в самое пекло, не хотелось и вовсе.

– Выполняет свою работу и без дополнительных указаний. К тому же я ему не доверяю. Никто пока не доказал мне, что с ядами играет не он.

– Тогда почему вы не обратитесь к кому-нибудь другому, кому доверяете?

– Я не доверяю никому.

Час от часу не легче. Никому не доверяет, а на меня вдруг полагается. С какой же это стати?

– Во-первых, я и не говорил, что доверяю тебе, – сказал принц, будто прочитав мои мысли. – А во-вторых, если верить графине – а я склонен доверять ее суждениям о людях, – ты аполитична и неподкупна. Этого сочетания достаточно, чтобы исключить твое участие в заговоре, целью которого

является дворцовый переворот. Однако я вижу, что ты колеблешься. Какова причина? Я не устраиваю тебя в качестве главы государства?

Я недоверчиво посмотрела ему в глаза, ожидая увидеть в них насмешку, но нет. Его обычный холодный взгляд, направленный некоторой долей раздражительности и небольшой порцией усталости.

– Да нет, – честно сказала я. – Никаких претензий я к вам как к правителю не имею. – Разумеется, это было нарушением всех возможных норм этикета, но с другой стороны, его вопрос тоже никак оным не соответствовал. – Ваша последняя реформа мне очень даже понравилась. А вот введение налога на породистых лошадей было не слишком удачной идеей.

Последнее предложение стало лишним; кажется, я чересчур увлеклась нарушением установленных правил общения. Но принца, похоже, мои слова особенно не задели.

– Тебя забыл спросить, – равнодушно бросил он.

На этот раз я совершила действие, которым пренебрегала прежде, то есть промолчала.

– Я так и не услышал ответа. Что тебя останавливает?

Я глубоко вздохнула, готовясь тщательно выбирать слова.

– Ваше высочество, я с радостью сделаю все, что зависит от меня как от Говорящей. Но остальное – не в моей компетенции. Я не телохранитель, не сыщик и не дознаватель. Я ничего не понимаю в дворцовых интригах. То, за что я бе-

речь, я привыкла делать хорошо. А для того дела, о котором сейчас идет речь, я просто-напросто не подхожу.

– Это уже мне решать, – заявил он. – На данный момент я считаю, что ты можешь оказаться мне полезна. К тому же я не предлагаю тебе работать просто так; за свой труд ты получишь достойную плату.

– Вы же сами только что говорили, что я неподкупна и только поэтому вы готовы иметь со мной дело, – заметила я. Оплата – это, конечно, хорошо, но братья или не братья за эту работу, я собиралась решить вне зависимости от данного условия. – Если человека можно купить, всегда найдется кто-нибудь, кто даст больше.

– Это разные вещи, – возразил принц. – Купить можно кого угодно, даже меня. Весь вопрос в том...

– ...сколько заплатить? – скривилась я. Такая банальность и такое презрение к окружающим. Очень характерно для членов королевских фамилий.

– Нет, отчего же. Вопрос в том, чем именно заплатить, – возразил он. – За деньги можно купить не всех. Одним нужна власть, другим – дружба, кому-то – возможность самовыражения. Назначь свою цену, только и всего.

– Ваше высочество, а почему вы мне это предлагаете? – решила спросить я. – Вы же можете просто приказать, и все тут.

– Могу, – бесстрастно кивнул он, – и что? Мне нужен человек, который будет добросовестно выполнять свою рабо-

ту, а не тот, кто примется стонать под грузом свалившихся на него дел. Но ты не ответила. Я жду.

Я пожалала плечами. Сказала же: если берусь за работу, то выполняю ее добросовестно. Денег у меня и так больше, чем лично мне нужно. И вообще у меня есть все то, чего я хочу. Нет, абсолютно счастливым человеком я, конечно, не являюсь и в собственной жизни меня далеко не все устраивает. Но то, что мне не нравится, никакому принцу не исправить. Это ведь только он думает, будто ему все на свете подвластно. Хотя если уж совсем раз мечтаться...

— Ну? — кивнул он, будто действительно читал мои мысли. — Говори.

— Ладно, — согласилась я. — Если на то пошло, то я хочу дельфина.

— Кого? — опешил принц.

— Дельфина, — повторила я. — Это такое млекопитающее.

— Я знаю, что такое дельфин, — не без раздражения перебил меня Рауль. — Зачем он тебе?

— Ну как же! — Я мечтательно закатила глаза. — Почти все интересные животные есть в оранжерее или, во всяком случае, мне доводилось с ними работать прежде. А вот с дельфинами — никогда. Слишком сложные условия. Требуются большой искусственный водоем или часть морского берега, свежая рыба в качестве корма ну и так далее. В общем, если вы так уж хотите дать мне стимул, готова поработать за дельфина.

Принц смотрел на меня с каким-то непонятным выражением лица, наверное, пытался вычислить, издеваюсь я или просто сошла с ума. Ну все, сейчас отправит меня либо в темницу, либо в лазарет для душевнобольных, в зависимости от того, к какому выводу придет. Но Рауль лишь тоскливо спросил:

– А рыбка в аквариуме тебе не подойдет?

– Не-а. – Я решительно мотнула головой. – И черепашку в коробочке тоже не предлагайте.

– Ладно, – неожиданно легко согласился он. – Будет тебе участок на побережье и все необходимое оборудование. Только учти: бегать за дельфином с сачком я не собираюсь, добывать его будешь сама.

Я кашлянула в кулак, на мгновение представив себе эту картину.

– Надеюсь только, что дельфин никак не отразится на твоей работе с собаками, – добавил принц. – В последнее время они у тебя и без того нервные.

– Почему это нервные? – возмутилась я. Кто посмел возводить напраслину на моих собачек?

– Почему – не знаю, но на людей-то бросаются. Мне камердинер все уши прожужжал о том, как на него напал какой-то твой волкодав и с лаем гнал через весь сад, заставив в конце концов забраться на забор.

Судя по тону, которым это было сказано, принц не слишком-то переживал за своего камердинера. Так просто упомя-

нул эту историю, поскольку к слову пришлось. Впрочем, насколько я знала его высочество (а знала я его очень мало), тем же самым тоном он говорил обо всем.

– Ваше высочество, – вздохнула я, – при всем уважении к вашему камердинеру, – (коего я не испытываю), – мои волкодавы – звери очень спокойные и почти никогда не подают голос без команды. Крупные собаки вообще ведут себя значительно более смирно, чем маленькие. За вашим камердинером гналась обыкновенная декоративная болонка. Это ее он испугался настолько, что действительно с разбегу влез на изгородь, перетоптав при этом с полдюжины роз. Садовник еще долго поминал его незлым тихим словом.

– Каким именно?

Все то же бесстрастное выражение лица. Нет, все-таки я ничего не понимаю в манерах власть имущих.

– Помилуйте, ваше высочество. Если я повторяю это слово в вашем присутствии, меня сгноят в темнице.

– Для этого обычно требуется более веская причина, – фыркнул Рауль. – Однако факт остается фактом: твоя собака напала на моего слугу.

– А нечего было распускать руки, – заявила я. – Пусть скажет спасибо, что я спустила на него всего лишь болонку. В следующий раз так легко не отделается.

– Ладно, – хмыкнул принц. – Будем считать, что по существу мы договорились. Прежде чем перейдем к детальному разговору, походи в ванную комнату и умойся как следует.

Кивком головы он указал на дверь, расположенную справа от входа. Теперь я поняла, что за помещение там располагалось. Но только особой радости это осознание не принесло. По спине пробежал холодок.

– Я думала, мы эту тему уже проходили, – мрачно заметила я.

– Да проходили, проходили, – отмахнулся он. И тут же гаркнул: – Лицо свое умой от этих художеств, а то на тебя смотреть тошно!

Вжав голову в плечи, я послушно просеменила к двери.

– И давай договоримся раз и навсегда: меня не интересуют твои сомнительные прелести, – припечатал напоследок принц.

– Почему это сомнительные? – с вызовом спросила я, оборачиваясь.

Рауль выжидательно изогнул брови; на сей раз во взгляде отчетливо читалась усмешка. Ну да, все верно, мне следовало бы определиться. Либо старайся отвлечь от себя мужчину всеми правдами и неправдами, либо отстаивай собственную привлекательность. Третьего не дано. Я поспешила сменить тему:

– А там шпион в ванне не прячется?

– Какой еще шпион? – нахмурился принц.

– Ну тот, который все за всеми записывает.

– Вот пойд и сама проверь. Если и прячется, то, увидев тебя, сразу же нырнет и захлебнется.

Я взялась было за ручку двери, но затем снова обернулась:

– Ваше высочество, а можно один вопрос?

– Ну что еще?

– А для чего вся эта обстановка? – Я обвела глазами комнату. – Фрукты, вино, кровать, поздний час? Почему для делового разговора вы вызвали меня в опочивальню?

– Резонный вопрос, – кивнул принц. – Потому что не хочу, чтобы кто-нибудь догадался, о чем мы здесь разговариваем. Предпочитаю, чтобы убийца не подозревал, что я его ищу, и для этих целей привлек Говорящую. Пускай все думают, что ты пришла сюда совсем для другого. В такую легенду все с легкостью поверят и не станут говорить лишнего.

– А как же моя репутация? – осведомилась я.

Отлично сказано: пускай все думают. А я потом расхлебывай. Особенно учитывая ту скорость, с которой во дворце распространяются слухи. Обольщаться не следовало: плащ с капюшоном от этого не спасет. И присланный за мной телохранитель, и караулящие за дверью стражники прекрасно знают, кого именно принц вызвал к себе в опочивальню на ночь глядя. А этого более чем достаточно для появления и распространения сплетни. В условиях дворца сплетни вообще весьма живучи и хорошо размножаются.

– А разве у тебя есть репутация? – парировал принц.

– Может быть, и нет, – не стала спорить я, – но вашими стараниями она теперь появится, если уже не появилась. И будет она совсем не такой, как хотелось бы моим маме и па-

пе.

– Ты во всем стараешься следовать пожеланиям родителей?

– Во многом. – Я предпочла проигнорировать сквозившую в вопросе иронию. – Мои родители – на редкость адекватные люди.

– Согласен, твоя работа сопряжена с некоторыми неудобствами, – признал принц, не развивая дискуссию на тему отцов и детей. – Именно за это я тебе и плачу.

Я пожала плечами. Даже если бы я сильно дорожила своей репутацией, уже поздно что-то менять. Нет, можно начать бегать по дворцу, хватать за грудки каждого встречного и доверительно сообщать ему, что, мол, да, я действительно скоротала вечерок у принца в опочивальне, но ничего такого не было, мы просто сидели на краешке кровати и беседовали о литературе... Но кто же поверит? Да и потом, говоря откровенно, вопрос собственной репутации не слишком меня беспокоил, так как мое положение в обществе в любом случае оставляло желать лучшего.

– Постойте, а как же это? – Я извлекла из-под висящего на руке плаща изрезанное ножницами платье. – Это что же, тоже часть легенды? Для убедительности?

– Насколько я могу судить, это кусок розовой ткани. – Принц вытянул руку. Я послушно приблизилась и вручила его высочеству его же собственный подарок. Рауль, хмурясь, повертел платье в руках, пока наконец не определил, где его

верх, а где низ. – Стало быть, платье, причем на редкость безвкусное. Я начинаю верить, что сейчас на тебе самая лучшая твоя одежда. Если все остальное похоже на это... Ты что же, в этом дрессируешь собак?

– Нет, быков, – огрызнулась я, определенно начиная злиться. Сам же прислал мне это, с позволения сказать, платье и сам же теперь издевается? – Вы запомнили, ваше высочество. Вы сами велели своему посланнику вручить мне это платье, чтобы я надела его на нашу сегодняшнюю встречу.

– М-да? – Принц в очередной раз критически оглядел обсуждаемый предмет одежды. – Стало быть, он проявил творческую инициативу. А что с ним случилось, с этим платьем? – поинтересовался он, разглядывая многочисленные разрезы. – Кажется, у него была непростая судьба.

– Э-э-э... Может быть, оно упало на что-то острое? – высказала предположение я, поспешно опуская глаза.

– Несколько дюжин раз? Не иначе оно вознамерилось закончить жизнь самоубийством.

– Так я пойду умою лицо.

Выватив платье у принца из рук, я поспешила ретироваться, надеясь, что по моем возвращении разговор сам собой перейдет в иное русло.

Глава 2

Начало расследования

Из ванной комнаты я вышла несколько разочарованная, поскольку никакого шпиона там не застала. В течение нескольких секунд принц критически разглядывал мое плохо отмытое лицо (макияж оказался на редкость добротным и сниматься при помощи обыкновенной подогретой воды не желал категорически). Потом, видимо, решил, что лучше уже не станет и придется иметь дело с тем, что есть, и, поджав губы, сделал знак следовать за ним. Сидеть на краешке кровати, по счастью, не пришлось: в дальнем углу комнаты обнаружили еще один низкий столик и два вполне удобных стула.

Принц молчал, предоставляя начало разговора мне. Возможно, он считал, что уже сказал все, что нужно, а может, хотел проверить, какие именно вопросы я стану задавать. Даже если и так, проверки я не пугалась. Я ведь отнюдь не просилась на эту работу. А вот вопросов действительно много.

— Сколько было покушений? — осведомилась я, усаживаясь поудобнее. Разговор предстоял долгий.

— Одно.

Должно быть, разочарование слишком явственно читалось у меня на лице, поскольку Рауль с усмешкой добавил:

– По-твоему, следовало дать убийце еще несколько шансов и только после того, как он бы их упустил, приступить к расследованию?

Логично. Вообще, одна попытка убийства – это, конечно, очень мало... если убить пытаются не тебя, а кого-то другого.

– Но вы вполне уверены, что это было именно покушение? – уточнила я. – А не случайное стечение обстоятельств?

– Я, разумеется, мог бы предположить, что сахар и цианистый калий хранятся на одной и той же полке и кухарка просто перепутала банки, – отозвался принц. – Если только ты объяснишь мне, для чего надо было добавлять сахар в вино.

– Стало быть, отравление. Но, как я понимаю, это вино, так неудачно подслащенное, вы не выпили?

– Как ты догадалась? – фыркнул он. – Нет. Его выпил слуга. Вообще-то в его обязанности входило только принести бутылку и налить вино в бокал. Дегустация была его собственной инициативой. Видимо, ему захотелось попробовать, что пьют наследники престола. Если бы его поймали за этим занятием, он бы всего-навсего был уволен, ну в крайнем случае получил бы несколько плетей. Но его не поймали, и за нарушение субординации он заплатил непропорционально высокую цену.

– Вино предназначалось именно вам?

– Да.

– Только вам? – продолжала допытываться я.

Рауль уверенно кивнул.

– Понятно.

Эту проблему я знала, как решить; во всяком случае, могла свести риск отравления к минимуму. Идем дальше.

– У кого была возможность подсыпать яд в ту бутылку?

– У кого угодно.

Я нахмурилась. Это уже хуже.

– Никаких ограничений?

Он пожал плечами:

– Кто угодно из тех, кто находился в тот день во дворце. Это несколько сотен человек. Ясное дело, с легкостью этого не смог бы сделать никто. Но при достаточной доле изобретательности и минимальном везении... – Принц развел руками.

Хорошо, в таком случае подойдем к вопросу с другой стороны.

– Есть кто-нибудь, кто вас ненавидит?

Рауль посмотрел на меня как на ненормальную.

– Меня ненавидит огромное число людей, – отчетливо произнес он. – От крестьянина, которому нечем платить налоги, до дворянина, который считает, что государство задолжало ему пару новеньких замков. Но для того чтобы идти на убийство и государственную измену, одной ненависти недостаточно.

– Понимаю, – кивнула я. – Сформулируем иначе: кто заинтересован в вашей смерти?

– Наиболее заинтересованных трое. – Было заметно, что

принц успел тщательно обдумать этот вопрос.

– Те, кто может претендовать на престол? – предположила я.

– Именно. Сейчас наиболее удобный момент для захвата власти. Как тебе известно, по древнему правилу, надо признать, весьма досадному, между смертью короля и коронацией его преемника должно пройти как минимум тридцать дней. Обычно в этот период борьба за престол разгорается с недюжинной силой. За последнее столетие у нас в королевстве трижды наступали смутные времена. Всякий раз они начинались именно во время таких вот одномесячных передышек.

– Почему? – Я непонимающе передернула плечами. – Захватить власть можно в любое время. Какое имеет значение, проведена коронация или же она назначена на следующую неделю?

– Разве это не очевидно?

– Мне – нет, – категорично ответила я, ничуть не смущенная собственным невежеством. Предупреждала ведь: я ничего не понимаю в политике.

– Одно дело – попытка расправиться с наследником, еще не вступившим в свои права, – принялся объяснять принц, – и совсем другое – покушение на законного короля и государственная измена. Последнее – значительно более тяжкое преступление и в случае неудачи чревато более серьезными последствиями. К тому же в отсутствие действующего коро-

ля гораздо сложнее определить, кто именно является следующим на очереди, что создает особенно благодатную почву для дворцовых переворотов. Если принц умирает прежде, чем истекли тридцать дней, кому должен достаться трон? Следующему наследнику покойного короля или наследнику того, кто не дожил до коронации?

– Разве наследник не один и тот же в обоих случаях?

– Не всегда. Простой пример: если бы у меня были сын и младший брат, то моим наследником стал бы, разумеется, сын. А следующим на очереди наследником моего деда после меня был бы мой брат, его младший внук. Ну а в действительности расклад намного более сложный.

– Давайте с этого места поподробнее. Как я понимаю, вероятных наследников трое?

– Именно так. Во-первых, Мелинда, моя сестра и, соответственно, ближайшая родственница. Если сосредоточиться на родственных связях, именно она – главная претендентка на престол после меня. Но то, что она – женщина, несколько понижает ее шансы. А это делает наших более далеких родственников возможными кандидатами. Один из них – Гектор Вилстон, племянник моего деда. Этот на корону заглядывается давно и вполне мог решить, что более подходящего момента у него не будет.

– Родная сестра, двоюродный дядя. Я смотрю, вы высокого мнения о своих родственниках. А что, если вы к ним несправедливы?

– Лучше быть несправедливым, чем мертвым, – отрезал Рауль.

– А кто третий?

– Роберт Таффорд, внучатый племянник Эдварда по линии сестры.

– Погодите, но он же еще совсем ребенок?

– Ему девять лет.

– Вы это несерьезно, – помотала головой я.

– Думаешь, в этом возрасте нельзя запланировать убийство? – Принц пожал плечами. – Сомнительно. Но дело даже не в этом. У Роберта есть опекун, Джозеф Ридз, и именно он станет королем де-факто, если мальчик унаследует трон. Полноценно в права наследования можно вступить лишь по достижении шестнадцатилетнего возраста, так что у Ридза было бы время навластвовать в свое удовольствие и заодно сколотить неплохое состояние, как следует приложившись к государственной казне.

– Почему все они живут во дворце? – Чем дольше мы разговаривали, тем сильнее меня удивлял этот расклад. – Сомневаюсь, чтобы у них не было собственных домов.

– А это заслуга моего деда. – Принц говорил таким тоном, что стало ясно: он отнюдь не в восторге от данного достижения покойного Эдварда. – После некоторых событий, связанных с борьбой за корону, он счел нужным собрать всех ближайших родственников под одной крышей, дабы укрепить династию. В число ближайших родственников были включе-

ны его брат и сестра, а также их прямые потомки. В итоге на сегодняшний день мы имеем то, что имеем. Другой вопрос, почему они продолжают жить здесь, хотя к этому их давно никто не обязывает. Разумеется, главная причина – в желании оставаться как можно ближе к короне.

– Есть кто-нибудь еще, кроме этих троих?

Его высочество нетерпеливо передернул плечами:

– Откуда я знаю? Основные претенденты на трон – это трое. Но я не исключаю, что кто-нибудь из их протеже настолько заинтересован в коронации своего покровителя, что решил действовать на свой собственный страх и риск.

Я пожевала губами, переваривая полученную информацию.

– Хорошо, – сказала я затем. – На случай возможных покушений я приведу вам двух собак. Одна из них, точнее, один – это волкодав, очень крупный зверь и прекрасный охранник. С ним можно не опасаться удара кинжалом в спину ни днем ни ночью. Вторая собака, по кличке Тони, обучена распознавать запахи ядов. У нее очень хороший нюх. Риск отравления в ее присутствии практически нулевой.

– А обойтись одной собакой нельзя? – поморщился принц.

– Вы когда-нибудь пробовали нанять одного человека, чтобы он выполнял работу и повара, и плотника? – отозвалась я. – Ну, чтобы сэкономить на жалованье?

– Разумно, – принял аргумент он. – И что за порода у этой

второй собаки?

– У Тони? Ну... – Я отвела взгляд. – Это такая редкая порода, малоизвестная. Но по размеру она небольшая, намного меньше волкодава, так что много места занимать не будет. Это что касается покушений. Но в плане всего остального... Не думаю, что смогу хоть что-то сделать. Я же не вхожа в круг ваших родственников. Как я сумею выяснить, кто из них стоит за тем отравлением, если даже посмотреть на них могу только с большого расстояния, да и то укрادкой?

– А вот это как раз легко решить, – сообщил Рауль. – В общество своих родственников я тебя введу. Ты же теперь моя любовница, забыла?

– Забудешь тут, – пробурчала я. – Ну и что, что любовница? Мало ли у вас было любовниц. Вы что, их всех с родственниками знакомите?

На всякий случай я вжала голову в плечи, но принц мою наглость проигнорировал.

– Ну, значит, не просто любовница. Значит, фаворитка, – пожал плечами он.

– И что, из-за этого они потерпят мое присутствие в своем кругу? – усомнилась я.

– А куда они денутся?

Я одобрительно хмыкнула. Да, времена для Рауля настали непростые, и принц осознает грозящую ему опасность. Но в то же время прекрасно понимает, что хозяин во дворце – именно он и окружающим придется с этим считаться.

– За ровню они тебя не сочтут, – уточнил принц, – но смириться с твоим присутствием им придется. И кроме того, насколько мне известно, ты вхожа в другой немаловажный круг – круг их приближенных. А эти люди, как правило, знают не меньше своих хозяев, а иногда даже больше.

Под приближенными он, конечно, подразумевал не придворных дам и кавалеров, но и не прислугу. Скорее промежуточную прослойку, состоявшую из секретарей, старших помощников, камеристок и прочая. Насчет круга не знаю, но кое с кем из этих людей я действительно дружна.

– Ну что ж, посмотрим, удастся ли мне что-нибудь прояснить, – заключила я. – А пока я приведу сюда собак.

– Прямо сейчас?

– Чем скорее, тем лучше. – Я понимала, что время позднее, но стоит ли рисковать целую ночь ради соблюдения приличий? – Где гарантия, что яд не подсыпан в один из этих кубков? – Я кивнула в сторону стоящего у кровати столика.

– Ладно, уговорила. Иди.

– Ваше высочество, один вопрос. Если традиция ждать с коронацией целый месяц настолько бессмысленна, не проще ли попросту отменить ее раз и навсегда? Что, в сущности, мешает вам стать королем уже завтра?

– Я сказал, что эта традиция досадна; я не говорил, что она бессмысленна, – возразил принц. – Определенная польза в ней тоже есть. Изначально идея заключалась в том, что, прежде чем взойти на трон, наследник успеет как следует

подготовиться к правлению государством.

– И что толку, если вместо этого ему приходится весь месяц бороться за свою жизнь? – фыркнула я.

– А может, именно в этом и заключается подготовка?

Пожав плечами, я сделала легкий прощальный реверанс и, набросив на плечи плащ, вышла из комнаты. Прошла по небольшому коридорчику – своего рода прихожей – мимо дежуривших там стражников и, открыв очередную дверь, столкнулась нос к носу с одним из лакеев. Тот отпрянул в таком ужасе, что мне захотелось срочно поглядеться в зеркало.

– Я что, так страшно выгляжу? – не без раздражения спросила я.

– Простите, леди. – Голос лакея слегка дрожал. – Вы выглядите прекрасно.

– Так в чем же дело?

– Всему виной этот плащ, – помявшись, признался он. – Из-за него я принял вас за привидение.

– Вот как? – Поняв, что остатки моего макияжа тут ни при чем, я немного расслабилась. – Все только и говорят, что об этом привидении. Ты что же, его видел?

– Я нет, бог миловал, но его видел Томас Родд, лакей, он заменял меня здесь два дня назад.

– И что же?

– Привидение прошло всего в нескольких шагах от него, совсем недалеко отсюда. Оттого я так и испугался.

– И что же, оно бродит по замку в плаще?

Какое, однако же, мерзлое привидение.

— У него светлый плащ, белое платье и белоснежные волосы. Должно быть, это дух какой-то невинной девушки, загубленной здесь, во дворце, много лет назад, — доверительным шепотом сообщил лакей.

— Про невинность не знаю, единственное, что можно сказать, что если это и дух, то дух блондинки, — пожала плечами я.

Далось всем это привидение. В последнее время во дворце трудно услышать о чем-нибудь другом. То его видели возле покоев принцессы, то в восточной башне, а теперь вот и здесь. Не дворец, а сумасшедший дом. И нет бы оно являлось только неисправимым пьяницам, тогда все это можно было бы понять. Однако приходилось признать, что привидение видели и вполне адекватные люди... хотя и довольно романтически настроенные, что серьезно уменьшало степень моего доверия к их рассказам. Сама я в привидения не верила. И что характерно, мне оно не являлось и к Третьей оранжерее ни разу не приближалось. Не иначе боялось моих попугайчиков.

Полчаса спустя я возвратилась в покои принца в компании Рональда и Тони. Стражники, должно быть, были предупреждены о моем повторном приходе, потому что пропустили меня сразу же и без всяких вопросов. Правда, на собак они косились с некоторым удивлением, но не более того.

Снова оказавшись в обществе принца, я приступила к де-

лу.

– Кличка этого волкодава – Рональд, – представила я. – Рональд, сидеть! – И, указав на принца (да простит мне его высочество такую дерзость), командовала: – Охранять!

Рональд продемонстрировал свои внушительные зубы, показывая таким образом, что команду понял.

– Этот пес – лучше любого стражника, – заверила я. – В его присутствии напасть на вас кому бы то ни было будет крайне затруднительно.

– Надеюсь, он не станет съедать каждого, кто ко мне приблизится?

Рауль с сомнением покосился на огромного пса.

– Рональд хорошо знает свое дело, – отозвалась я. – Но чтобы все это имело смысл, он должен быть с вами двадцать четыре часа в сутки. Он послушен, спокоен и вполне самостоятелен, так что обузой не станет. Просто предоставьте ему следовать за вами, куда бы вы ни шли.

– Полагаю, ночью он тоже должен оставаться здесь?

– Непременно. В случае чего он отреагирует на малейший шорох. Пусть спит возле кровати. Еще лучше – в самой кровати, – жестко сказала я. – И не надо морщиться. Между прочим, он намного лучше любовницы. Мягкий, теплый, ласковый и ничего не требующий взамен.

Бросив на меня удивленный взгляд, Рауль покачал головой:

– Тебе замуж не пора?

– А что, у вас есть кандидатуры? – осведомилась я.

– Если понадобится, подберем, – не моргнув глазом ответил он.

– Спасибо, не надо. – Я поспешила пойти на попятный. – Давайте лучше вернемся к собакам. С Рональдом мы разобрались, а вот это Тони.

Тони Рауль разглядывал дольше. Небольшая по размеру и активная по темпераменту, с шерстью, которая вечно стояла дыбом, и наглой вытянутой мордой, эта собака довольно плохо вписывалась в роскошную обстановку дворца.

– Какая, ты говоришь, это порода? – поинтересовался принц.

– Эм... Малоизвестная. – Я прикусила губу.

Рауль еще некоторое время разглядывал непропорционально короткие лапы и большие наостренные уши с тонкими кисточками на концах.

– И эта малоизвестная порода называется «дворняга»? – ехидно спросил он наконец.

– Метис, – настойчиво возразила я. – Один из ее родителей был породистый... наверное.

Ну дворняга, и что же с того? За глаза я называла Тони помесью собаки, рыси и крокодила, но принцу об этом знать необязательно.

– Ну да. И как же такой метис оказался в Королевской оранжерее?

Как, как... Неужели вас интересуют подробности того, в

какой именно канаве я подобрала собачку в щенячьем возрасте?

– Ваше высочество, я, конечно, понимаю, что у моей протеже недостаточно высокое происхождение для такой престижной должности, но, может быть, сделаем исключение? Вы же выбираете повара, исходя из того, как он готовит, а не по фамильному древу, верно? А в ядах Тони разбирается лучше, чем кто-либо другой. – Принц ничего не ответил, и я предпочла интерпретировать молчание как знак согласия. – Подносить еду к самому ее носу совершенно не нужно. Достаточно того, чтобы она была поблизости, когда вы что-либо едите или пьете. У нее очень хороший нюх. И... было бы лучше, если бы окружающие как можно дольше не знали, для чего вы взяли этих собак. Иначе убийца может отыскать друзей, более изощренный способ покушения, к которому мы окажемся не готовы. Надо найти какое-то объяснение появлению Рональда и Тони... – Я задумалась. – Пусть это будет подарком от меня. Я же фаворитка? Пусть считают, что вы настолько потеряли голову, что даже готовы таскать за собой моих собак.

– Не хочу тебя расстраивать, – отозвался Рауль, – но это мои собаки.

Ну что ж, если он спорит о подобных вещах, значит, по сути возражать не собирается.

– Конечно, ваше высочество, я ни на секунду об этом не забывала. – Я снова присела в реверансе.

– Вот только обходись впредь без этого выражения покорности на лице, – поморщился принц. – Тебе это не идет.

– Отчего же? – Я почти обиделась.

– Да потому что у тебя на физиономии при этом написано: «Ладно, сделаю вид, будто я вас послушалась, я же все равно гораздо умнее вас».

– Правда? – Я прикусила губу.

– Угу, – насмешливо кивнул он.

– Всегда знала, что у меня слишком выразительная мимика, – посетовала я. – Когда-то давно мне даже предлагали стать артисткой.

– Что ж ты не стала?

– Жить в фургоне и всю жизнь мотаться по городам и весям? Благодарю покорно!

– Стало быть, ты не романтик, – подытожил Рауль.

– Увы. Этим меня природа обделила. Я даже в привидение не верю.

– И слава богу.

– Отчего же?

– Еще не хватало, чтобы я нанял на важное дело человека, который верит в привидения.

– Вот теперь я понимаю, почему вы выбрали меня. На этом привидении помешался весь дворец.

– Вернее всего какая-то девчонка решила кого-то разыграть, а паника распространилась, как пожар, – пожал плечами принц.

– А мне кажется, не было никакой девчонки, – выдвинула собственную версию я. – Просто у некоторых людей чересчур богатое воображение. А другие действительно слишком сильно любят паниковать.

Где-то за окном один раз прозвонил колокол. Мы обсудили несколько деталей, и я собралась уходить.

– И еще одно, – сказал принц, когда я уже коснулась пальцами ручки двери. Я обернулась. – Надеюсь, ты понимаешь, что все, что было здесь сказано, должно остаться между нами. Если ты не справишься с заданием, ничего плохого с тобой не случится. Тем более что в этом случае спросить с тебя будет уже некому. Но если ты о чем-нибудь проболтаешься, тогда другое дело. Тебе наверняка известно, что в моих подвалах очень искусные палачи.

Ну разумеется, без этой нотки нельзя. Мы же как-никак принц крови. Совершенно необходимо напоследок поставить собеседницу на место. С другой стороны, его отчасти можно понять. За один вечер его высочество доверил достаточно много информации малознакомому человеку, так что перестраховаться не повредит.

– Ну хорошо, палачи у вас искусные, терпеть боль я не умею, так что быстро перескажу им содержание нашего сегодняшнего разговора, – со вздохом отозвалась я. – И что дальше? Дальше палачи будут слишком много знать, и вам понадобятся палачи, чтобы разобраться с палачами. А где вы их возьмете?

– Не мудри. Ты меня услышала.

Я поджала губы и снова взялась за ручку двери.

– И вот это прихвати. – Кивком головы Рауль указал на розовое платье, оставленное мною на краю кровати.

– Нет, лучше к палачам, – решительно заявила я.

– А мне что с ним делать? Носить? – отозвался принц.

Нет, я не буду представлять себе эту картину. Только не сейчас. Он слишком хорошо читает по лицу.

– Ну постелите возле кровати в качестве коврика для собачки, – предложила я.

– В моей комнате не будет ни одной вещи этого ядовитого цвета, – отрезал он. – Даже для собаки.

Тяжело вздохнув, я послушалась и подняла платье. Постаралась свернуть его в как можно более тугий комочек и спрятала под плащ.

Шагая в свою комнату по коридорам дворца, я думала о том, во что ввязалась. Итак, для всех я теперь ненормальная фаворитка принца, регулярно посещающая его опочивальню и дарящая его высочество его же собственными собаками. К тому же мне еще предстоит внедриться в круг его родственников. Общество, в котором я никому не нужна и где ко мне, вне всякого сомнения, отнесутся как к грязи. Впрочем, к последнему мне не привыкать, а первое, признаемся откровенно, вполне взаимно. Ладно, нечего жалеть о том, что пока еще даже не сделано. На что только не пойдешь ради перспективы иметь собственного дельфина!

Глава 3

Родные и близкие

Мое первое появление в обществе членов королевской фамилии состоялось менее чем через двое суток. Тем утром я сопровождала принца на утреннюю трапезу, ежедневно накрывавшуюся для августейших особ и их родственников. Для участия в таком мероприятии необходимо было привести себя в надлежащий вид, на сей раз несколько иной, нежели я выбрала позавчера для посещения опочивальни Рауля. Поэтому, чтобы присутствовать на завтраке, подававшемся в девять утра, встать пришлось в половине шестого. Ведь я не принцесса, и помогать с одеванием, причесыванием и прочим мне никто не станет. Разумеется, я не преследовала цель понравиться семейству его высочества. Зачем стремиться к тому, что невозможно по определению? Тем более что принц и не ставил передо мной такой задачи. И тем не менее любым вольностям есть предел. Одно дело – заявиться к мужчине, пусть даже главному мужчине страны, в опочивальню, и совсем другое – присутствовать на полуофициальной трапезе во дворце. Тут следовало соответствовать обстановке.

Что касалось поведения, то я избрала для себя простейшую тактику: поменьше говорить и побольше слушать. Моя цель заключалась в том, чтобы получить максимальное ко-

личество информации о сотрапезниках, при этом не привлекая к себе излишнего внимания. Тихо сидеть, опустив глаза, потихоньку что-нибудь жевать и следить за разговором.

Увы, с тем, чтобы что-нибудь жевать, возникли серьезные проблемы. Длинный стол прямо-таки ломился от блюд, но есть, на мой вкус, там было нечего. Более или менее традиционная пища на этом столе отсутствовала. Меню состояло исключительно из всевозможных кулинарных изысков и деликатесов, вид которых быстро вогнал меня в уныние. На морепродукты и икру у меня аллергия, сыры я ненавидела за запах, грибы – за вкус. Еще несколько блюд были настолько странными на вид и имели такой неестественный цвет, что их я даже не рискнула попробовать. К тому же алкоголь я не пью вовсе; здесь же не подавали ничего, кроме вина. Простая вода для сильных мира сего являлась, по-видимому, чересчур банальным напитком. В итоге мне пришлось, уподобившись корове, потихоньку пожевывать лист салата да периодически делать вид, будто я слегка пригубила вино, благо бокалы были непрозрачными.

После того как я перечислила представленные на столе блюда, пожалуй, не помешало бы также упомянуть и сидевших за столом людей. Начать с того, что за завтраком присутствовала ее высочество принцесса Мелинда, младшая сестра Рауля. Исключительно правильные черты ее лица казались нарисованными. Невысокий рост компенсировали внушительные каблуки; к тому же роскошные белокурые волосы

были собраны на затылке в высокую прическу. Ее схожесть с братом буквально бросалась в глаза. К примеру, у нее были такие же серые глаза, такая же форма бровей... равно как и тот же высокомерный вид. По левую руку от принцессы сидел юный граф Роберт Таффорд, черноволосый девятилетний мальчик с неестественно серьезным для своего возраста лицом. Рядом с Робертом трапезничал его опекун Джозеф Ридз, очень высокий, худой мужчина с тонкими губами и острым подбородком. Он сильно сутулился, как и многие люди его роста и комплекции. Движения Ридза были немного медлительными, как будто ленивыми, но живой, цепкий взгляд не оставлял сомнений – это обманчивая медлительность кошки, готовой в любое мгновение совершить прыжок и ухватить добычу. Напротив Таффорда и Ридза, справа от меня, расположилось семейство Вилстонов. Состояло оно из главы семьи, полноватого лысеющего мужчины лет сорока – сорока пяти, его жены Флоры, дородной женщины ненамного моложе супруга, и их семнадцатилетней дочери Стеллы. Последняя была на удивление худой, учитывая комплекцию обоих родителей, и могла похвастаться вполне привлекательной внешностью, которую, впрочем, слегка портил излишне длинный нос. Сама я сидела по правую руку от Рауля. Больше в комнате никого не наблюдалось, не считая, конечно, прислуживавших за столом лакеев, но кто же их считает?

Впрочем, неправда, кое-кто все-таки был. А именно – Рональд и Тони. Рональд лежал на полу между стулом принца и

моим. Когда мне становилось совсем не вмоготу притворяться, будто я не замечаю косых и презрительных взглядов, бросаемых в мою сторону, я опускала руку, чесала его за ухом и отдыхала душой, глядя в преданные любящие глаза. Тони в глаза особенно не смотрела, так как занималась более важным делом: она перебегала с места на место, стараясь охватить взглядом и нюхом весь стол, дабы в случае, если кто-нибудь уронит на пол что-нибудь съедобное, успеть в следующее же мгновение это что-нибудь схватить.

– Как вы сегодня спали, Флора? – спросил Ридз, нанизывая на вилку крупную тигровую креветку. – Помогло ли новое средство от бессонницы?

– Не слишком, Джозеф, не слишком, – страдальческим голосом ответила леди Вилстон. – Моя бессонница неизлечима. Но я не жалуясь.

– А как провели ночь вы, Мелинда? – осведомился Гектор Вилстон с ядовитой ухмылкой на лице. – Привидение вас больше не посещало?

– Представьте себе, нет, – скривилась принцесса, вынужденная проглотить колкость. – Вы напрасно ехидничаете, Гектор. Да, я действительно один раз видела это привидение, и не я одна. На прошлой неделе оно являлось двум моим фрейлинам. Будь это игра воображения, она не набрала бы такого числа свидетелей.

– Любопытный момент, – как бы между прочим заметил Вилстон, обращаясь к Ридзу, – что это привидение виде-

ли исключительно женщины. Вы не находите это закономерным, Джозеф?

– Разве только женщины? – Впервые за время трапезы я позволила себе вступить в разговор, сочтя тему достаточно нейтральной. Не проронить за все утро ни единого слова было бы нарушением этикета, а бросив сейчас пару малозначащих фраз, я смогу быть свободна от беседы до окончания завтрака. – А как же камердинер его высочества и один из лакеев?

– Слуги, – отозвался бесцветным голосом Ридз. – Этим все что угодно может привидеться.

Ах да, конечно. Все-таки мне следовало промолчать. Я украдкой обменялась взглядом со стоявшим напротив лакеем.

– А вы, Айрин? – обратился ко мне Вилстон. – Вы тоже видели привидение?

Его доброжелательный тон меня не обманул, и я ответила со столь же неискренней улыбкой:

– Увы, нет. Мне оно не являлось. Ни это, ни какое-либо другое.

– Вот как? Ну что ж, вы много потеряли. Жизнь с привидением, судя по всему, намного веселее.

Он бросил еще один колкий взгляд в сторону Мелинды.

– Я думаю, у Айрин жизнь и без этого сейчас нескучная, – возразила принцесса. Стелла хихикнула. – Скажи-ка, брат, а ты как провел сегодняшнюю ночь? Бессонница не мучила?

– Я не страдаю от бессонницы, сестра, – холодно ответил Рауль, проигнорировав намек.

– Мне это известно, тебе не дает спать совсем другое, – продолжала гнуть свою линию Мелинда. – Вот только не кажется ли тебе, что этот... недуг в последнее время выходит за рамки дозволенного?

– Ты хочешь определить, что мне дозволено, а что нет?

Плохо скрываемая угроза, сквозившая в этом вопросе, многих заставила бы замолчать. Но на принцессу она не произвела особого впечатления.

– Я просто беспокоюсь о твоём здоровье, – язвительно сказала она. – В последнее время ты плохо выглядишь. Если все твои силы будут уходить на ночные приключения, как же ты сможешь управлять государством?

Н-да, а страсти-то здесь разгораются нехилые. Пожалуй, они будут горячее того, что происходит по ночам в чьей бы то ни было опочивальне.

– Когда мне понадобится совет по вопросу управления государством, я непременно к тебе обращусь, – пообещал Рауль.

– Вам, Мелинда, следовало бы брать пример с его высочества, – неожиданно поддержал принца Вилстон. – К молодой девушке по ночам должно являться отнюдь не привидение.

– Гектор, как ты можешь! – скривилась Флора. – Говорить такое неприлично.

– Но это правда, дорогая.

– А говорить правду вообще в большинстве случаев неприлично, – заметил Ридз.

– В самом деле? – изогнула брови принцесса. – Вы такой сторонник лжи или такой ненавистник приличий?

– Что вы, ваше высочество, ни то, ни другое, – покачал головой Джозеф. – Я всего лишь сторонний наблюдатель.

– Вот как? – Мелинда поджала губки. – И полагаю, именно в качестве стороннего наблюдателя вы так зачастили в Оукторн на встречи с архиепископом?

Это любопытно. Архиепископ – далеко не последняя фигура в политической игре, в том числе и в вопросах наследования короны. Я бросила быстрый взгляд на принца, но тот ковырялся в тарелке с прежним бесстрастным выражением лица, словно русло, которое принял разговор, не имело к нему ни малейшего отношения.

– Как знать, дорогая, быть может, Джозеф просто желает постричься в монахи, – вмешался Вилстон. – Такой шаг вполне в духе стороннего наблюдателя.

Шутка оказалась несмешной; во всяком случае она не развеселила никого из присутствующих.

– Спасибо за идею, – криво улыбнулся Ридз, – но здесь, во дворце, объектов наблюдения значительно больше, чем в стенах монастыря. Так что я предпочитаю оставаться там, где нахожусь сейчас.

– Очень мудро с вашей стороны, – жестко сказала принцесса. – Если это действительно так.

Последние слова были произнесены очень тихо, но я их расслышала, поскольку сидела непосредственно напротив нее. Рауль тоже наверняка услышал Мелинду, но, как и прежде, не подал виду.

– Что же касается моих встреч с архиепископом, – продолжал Ридз, немного растягивая слова, – то они действительно имели место. Мы обсуждали довольно-таки важные вопросы. Но об этом я предпочел бы побеседовать с Раулем позже. Для светского разговора за завтраком это слишком скучная тема.

Точнее сказать, не вашего ума это дело, принцесса. Ну что ж, неплохая оболочка для столь неприятного содержимого. Я мысленно поаплодировала умению Ридза находить правильные формулировки. Впрочем, судя по выражению лица Мелинды, красота формулировки ее не обманула.

– Да, я помню, – подал голос Рауль. – Жду вас в половине двенадцатого, как договаривались.

Тщательно пережевывая очередной лист салата, я обдумывала услышанное. Похоже, принцесса не доверяет Ридзу. Нет, не так, это неправильное определение: за этим столом все не доверяют всем. Вернее будет сказать, что именно от Ридза принцесса ожидает попытки узурпировать власть. Вот только за кого она в данной ситуации беспокоится? За Рауля или, может быть, за себя? Что же касается Вилстона, для меня он пока оставался темной лошадкой. Единственное, что можно сказать с уверенностью: он отнюдь не являлся тем

добродушным весельчаком, каким хотел казаться.

Мои размышления оборвала Мелинда, уже с минуту смотревшая на меня такими «добрыми» глазами, что хотелось поскорее отползти куда-нибудь в сторонку и по возможности зарыться под коврик. Поскольку такого я себе позволить не могла, да и вообще не привыкла прятаться от трудностей, – я ответила ей такой скромной и смиренной улыбкой, на какую только была способна.

– Вам, должно быть, скучны наши разговоры, Айрин, – проворковала принцесса. – Расскажите лучше о себе. Вы ведь происходите из рода ван Лейнов, не так ли?

О, а вы быстро собираете информацию, принцесса. Готова поклясться, еще вчера утром вы понятия не имели о моем существовании.

– Именно так, ваше высочество.

– По линии отца?

– Нет, моя мать из рода ван Лейнов.

– А ваш отец, как я понимаю, дворянского происхождения не имеет?

В голосе – ни тени презрения, лишь забота и участие. Все присутствующие следили за ходом разговора с таким интересом, будто от моего семейного древа зависели судьбы вселенной. К счастью, к обсуждению данной темы я давно успела привыкнуть.

– Совершенно верно, ваше высочество, не имеет.

– Должно быть, ваша мать – очень смелая женщина. Со-

всем нелегко для девушки из хорошей семьи пойти на неравный брак.

Все тот же фальшиво-ласковый, покровительственный тон, так хорошо мне знакомый, но за последние годы все же успевший слегка подзабыться.

– Я думаю, для моего отца это было не легче, – ответила я. – Так что не знаю, кто из них оказался смелее.

– И кто же ваш отец? – вступила в разговор Стелла. – Плотник? Или кузнец?

Флора бросила на дочь укоризненный взгляд, который, впрочем, полностью нейтрализовывала плохо скрываемаемая улыбка. Такие же улыбки играли на лицах еще пары человек за столом.

– Ну зачем же впадать в крайности, дитя мое? – ласково улыбнулась я, отвечая ударом на удар. Для девушки ее возраста нет ничего более обидного, чем быть сочтенной ребенком. При этом ничто в моих словах не нарушало этикет. Все-таки азы светского общения я в юности освоила, и, похоже, некоторые навыки с годами не теряются. – Нет, он учитель. Преподает в Тильской академии.

– А что, простолюдины могут учиться и преподавать в академии? – удивилась Флора.

– Разумеется. При условии, что они достаточно умны и достаточно обеспечены, чтобы оплатить обучение.

Леди Вилстон, у которой на лице было написано, что она никогда в жизни даже не приближалась ни к одной из коро-

левских академий, неодобрительно покачала головой:

– Я всегда говорила, что совершенно ни к чему отдавать молодых людей из высшего общества на обучение в подобные места. Чему хорошему их могут там научить? Какой подают пример? Пока я жива, наша дочь не переступит порог такого заведения. Образование, получаемое в домашних условиях, куда лучше.

Стелла равнодушно передернула плечиками, а мне подумалось, что юная госпожа Вилстон без всяких академий видит вокруг себя такие примеры, что вырасти нормальным человеком у нее попросту нет никаких шансов. Как, впрочем, вероятнее всего, не было в свое время и у остальных присутствующих.

– А чему обучают в академии? – неожиданно подал голос юный граф Тафффорд.

– Многому, – ответила я. – Философии, астрономии, юриспруденции, ораторскому искусству...

– А дрессировке собак и соколов там обучают? – спросил Роберт, заглядывая под стол, – так в поле его зрения попадал по-прежнему лежащий на полу Рональд.

– Нет, этому там не учат, – улыбнулась я.

Мальчика, кажется, еще не успели окончательно испортить, как минимум он пока способен задавать нормальные вопросы без подтекста.

– А почему?

– Ну, наверное, потому, что для этого занятия надо обла-

дать определенными врожденными способностями. Без них обучение бессмысленно.

– А разве нельзя принимать на учебу только тех, у кого есть способности? – продолжал допытываться Роберт.

– Неплохая идея, – признала я. – Сперва проверить способности, а уж потом принимать. Но прием в академию проходит иначе. Берут всех, кто готов заплатить. Если бы среди этих людей проводили дополнительный отбор, боюсь, академия осталась бы без средств.

– Стало быть, сами вы по стопам своего отца не пошли? – уточнил Вилстон.

– Увы.

– Думаю, вы сделали правильный выбор, – заметил Ридз.

– Несомненно, – подхватила Мелинда. – Никакая академия не позволила бы вам так продвинуться... по карьерной лестнице. – Она бросила многозначительный взгляд на Рауля.

– У меня много дел, – заявил тот, вставая из-за стола. – Надеюсь, вы хорошо проведете оставшееся время. Джозеф, я жду вас через полтора часа в северной зале.

Если бы из-за стола вышел кто-нибудь другой, завтрак продолжился бы как ни в чем не бывало. Но уход принца, в сущности, завершил трапезу. Уж не знаю насчет остальных, но лично я по этому поводу не расстроилась ни капли.

В течение дня я занималась своими обычными делами

и лишь поздним вечером, следуя предварительной договоренности, заявила в покои принца. Стражники встретили меня весьма душевно, практически как старую знакомую, и услужливо распахнули дверь в коридор-прихожую, а затем и в опочивальню.

Первым, кого я увидела, оказавшись в комнате, оказался Рональд. Пес встретил меня у самой двери, виляя хвостом и радостно пыхтя. Затем встал на задние лапы и попытался положить передние мне на плечи, но я воспротивилась. Кто знает, может быть, принцу такие нежности в его собственной опочивальне (и без его участия) не понравятся.

Рауль снова был по-домашнему облачен в длинный шелковый халат; на прикроватном столике, как и позавчера, стояли фрукты, сладости и бокалы с вином.

– Ваше высочество. – Я склонила голову.

– Проходи.

– Как прошел ваш день?

Он передернул плечами:

– Как обычно. Без покушений, если ты это имеешь в виду.

Я не имела в виду ничего особенного, но надо же как-то начать разговор. Впрочем, отсутствие покушений – это вполне важная информация.

Принц кивнул в сторону столика, приглашая меня угощаться. Я осталась стоять, где стояла.

– Надеюсь, после завтрака ты нашла себе что-нибудь поесть, – бросил он.

Я подняла на Рауля удивленный взгляд. Он что же, обратил внимание на то, что я ничего не ела? Мое удивление также не осталось незамеченным.

– Мне совершенно не нужно, чтобы ты прямо здесь упала в голодный обморок, – пояснил он, отворачиваясь.

Я уже начала думать, что бы такое ответить, но в этот момент уловила чье-то шевеление в постели.

– Ваше высочество, что же вы меня не предупредили? – упрекнула я принца, переходя на шепот.

– О чем? – спросил он.

Я осторожно кивнула головой в сторону кровати:

– У вас же кто-то... в гостях. Я могу прийти и в другое время.

Мне было крайне неловко, и хотелось как можно быстрее ретироваться. Зато принц вовсе не выглядел смущенным. Бросив короткий взгляд на кровать, он как ни в чем не бывало обернулся ко мне.

– Зачем же приходить в другое время? – Кончики его губ тронула едва заметная усмешка.

– Чтобы не мешать, – раздраженно пояснила я.

– А ты борись за свои права, – посоветовал принц. – Ты же фаворитка.

– И что мне теперь, глаза ей выцарапать? – Степень моего раздражения все возрастала.

– Это перебор. Можешь ее прогнать, а можешь, наоборот, к ней присоединиться. А что тут такого? – добавил он, уви-

дев, как мои глаза медленно, но верно полезли на лоб. – Она не будет возражать.

Не найдя слов для ответа, я возмущенно покачала головой. Вернее, слова я, может, и находила, но все еще опасалась, что за них меня могут отправить в темницу, кто бы там что ни говорил. Ну и нравы у них в высшем свете, ничего не скажешь! Однако любопытство оказалось сильнее отвращения, и я на цыпочках приблизилась к кровати и вытянула шею, чтобы рассмотреть лежащую. В следующее мгновение я уже не знала, что делать – хохотать или краснеть от того, что попала в глупое положение.

На кровати поверх покрывала, полностью расслабленная и довольная жизнью, возлежала Тони. Она приняла свою излюбленную позу, ту самую, которую молодые люди иногда называют «полюби меня с разбега». Собака развалилась пузом кверху, с задранными лапами и чуть-чуть приоткрытой пастью, из которого вываливался кончик языка. Мое приближение не заставило ее изменить положение; она лишь лениво завиляла хвостом в знак приветствия. Пришлось сесть на край кровати, чтобы дотянуться и погладить животное по теплему пузу.

– Ты лучше объясни, – заговорил у меня за спиной принц, – как такая маленькая собака умудряется занять целую кровать? Вчера ночью я почувствовал две упершиеся в тело лапы и, проснувшись, обнаружил, что еще немного – и упаду на пол.

– Это особый талант, ваше высочество, – констатировала я, пряча улыбку.

Вы, конечно, можете сколько угодно изображать раздражение, принц, но я-то прекрасно понимаю, что вы *позволили* этой собаке спать на вашей постели. Тони, при всей ее наглости, вполне можно было бы согнать на пол. Вместо этого вы чуть не позволили ей сбросить на пол вас.

– Ну так как тебе общество моих родственников? – рассеянно спросил Рауль, усаживаясь на кровать с другой стороны.

– Вам правда интересно мое мнение? – отозвалась я, рассчитывая на отрицательный ответ.

– Почему бы и нет? – пожал плечами принц.

– Клубок змей – он клубок змей и есть, – честно ответила я.

Он усмехнулся:

– Кто-то совсем недавно упрекнул меня в том, что я к ним несправедлив.

– В самом деле? Кто бы это мог быть? – Я возвела глаза к потолку.

– Удар в спину чаще всего приходит от тех, кто находится наиболее близко, – отметил Рауль. – А родственников не выбирают.

– Не совсем так, – возразила я.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Существующую родню, конечно, не выбирают, – пояс-

нила я, отвечая на его скептический взгляд. — Но всегда можно выбрать, с кем из них общаться, а с кем нет. У меня, например, безумно много родственников, и что же? Почти все они живут в сотнях миль отсюда, многие даже за границей. Я не вижу их годами и никак не страдаю от их существования.

— Я вижу, ты испытываешь к ним теплые чувства, — хмыкнул принц.

— Вы напрасно иронизируете. Чем больше сотен миль нас с ними разделяют, тем ближе мои чувства к искренней и нежной любви.

— Дай угадаю. Твои родственники со стороны матери не признали твоего отца.

Я поджала губы и посмотрела на него исподлобья:

— Ваше высочество, неужели вы собрали столь подробное досье на мою скромную персону?

— Разумеется, мне больше прямо-таки нечем было заняться. — Его язвительный тон не очень-то меня убедил: наверняка прежде, чем впервые вызвать меня к себе, принц получил очень подробную информацию. Скорее всего сейчас он знает обо мне больше, чем я сама. — Нетрудно догадаться, что, когда девушка из благородной семьи выходит замуж за человека простого происхождения, ее семья не испытывает по этому поводу восторга.

— Да, пожалуй, — вынужденно согласилась я.

— И что же, их отношение к твоему отцу распространилось и на тебя?

– У кого как. Родственники со стороны моей матери делятся на две категории. Одни видят во мне плод позорной страсти, другие – несчастную жертву роковой ошибки. Последние так и рвутся взять меня под свое крыло и опекать. Не знаю, какая из этих категорий раздражает сильнее. В любом случае я предпочитаю не общаться ни с теми, ни с другими.

– А что же родственники со стороны отца?

– А там примерно то же самое, – отмахнулась я. – Своеобразная гордость, так же не поощряющая неравные браки, и все то же ослиное упрямство, не позволяющее переоценить ситуацию даже двадцать лет спустя.

– Если ты о своем возрасте, то мне прекрасно известен год твоего рождения.

– Разумеется, известен, но вы же не будете об этом упоминать. Во-первых, как джентльмен, а во-вторых, вы же все равно не признаете, что собрали на меня досье.

– От родни ты отгородилась; с кем же в таком случае ты общаешься? – спросил принц, умышленно игнорируя мои последние слова. – Конечно, в то время, когда не бегаешь по опочивальням знатных мужчин.

Это мне за «джентльмена». Пришлось проглотить.

– А с собаками, – с вызовом ответила я. – С ними значительно спокойнее.

– В целом я тебя понимаю, – задумчиво заметил Рауль.

– А вы приходите в оранжерею, – щедро предложила я. – Уверю вас, там совершенно другой мир, не имеющий ника-

кого отношения к дворцовой жизни.

Очень широкий жест с моей стороны – пригласить принца в его собственную оранжерею в компанию его же собственных собак... Ну да ладно.

– Может, как-нибудь и загляну, – откликнулся он. – Хотя дела едва ли позволят.

– Кстати, о делах! – припомнила я. – Могу я спросить, о чем с вами хотел поговорить Джозеф Ридз?

Принц бросил на меня подозрительный взгляд:

– Тебя же не интересует политика.

– С позавчерашнего вечера интересует, – вздохнула я. – Послушайте, я не пытаюсь проникнуть в государственные тайны. Мне надо знать только одно: имела ли эта встреча какое-то отношение к наследованию короны?

Рауль отрицательно покачал головой:

– Мы обсуждали повышение налогов и беспорядки, к которым оно привело в одной из северных провинций Истленда. С престолонаследием это никак не связано.

– А с архиепископом?

– Слушать ты умеешь, – одобрительно хмыкнул принц. – Архиепископ пользуется большой популярностью в той провинции и может повлиять на расстановку сил.

– То есть Ридз встречался с ним исключительно для того, чтобы обсудить тему народных волнений?

– Я этого не говорил, – возразил принц. – Моя сестра совсем не глупа. Ее подозрения могут оказаться небеспочвен-

ными. Возможно, я буду знать больше, после того как переговорю с архиепископом сам.

– Он должен прибыть во дворец?

– Должен, но пока не может. У него серьезные проблемы со спиной, и состояние недавно в очередной раз ухудшилось, он едва способен передвигаться.

Я хотела спросить, насколько достоверной принц считает информацию о недуге архиепископа, но в этот момент разговор прервался. Снаружи послышались громкие возгласы, топот шагов, а затем в дверь постучали.

– Я занят!

Тон, которым принц произнес эти слова, должен был заставить стучавшего еще долго не приближаться к покоям его высочества. Однако возня за дверью на этом не прекратилась. До нас доносились обрывки оживленного разговора; деталей не разобрать, но речь вроде бы о том, следует ли пускать кого-то в опочивальню.

– Дьявол поberi этих идиотов, – процедил Рауль сквозь зубы. – Спрячься куда-нибудь! – велел он мне.

Я заморгала выпученными глазами:

– Зачем???

– Чтобы не испортить мою репутацию! – рявкнул он.

Я заморгала еще сильнее:

– Куда ее портить-то? То есть я хотела сказать, я же и так ваша совершенно официальная любовница!

– Совершенно верно, и для любовницы на тебе слишком

много одежды! – прошипел принц, направляясь к двери. – Если после сегодняшнего вечера по дворцу пройдет слух, что наследник престола слаб по мужской части... нет, на виселицу я тебя не отправлю... – И не успела я облегченно вздохнуть, как он продолжил: – Я тебя собственными руками придушу!

Я окинула опочивальню быстрым взглядом. Под кроватью места нет, никаких шкафов не видно, шторы не доходят до пола, поэтому прятаться за ними бессмысленно. Добежать до ванной комнаты я не успею: для этого нужно пересечь всю опочивальню, а входная дверь после очередного стука стала приоткрываться... Решение пришло почти мгновенно. Одним рывком я скинула с кровати покрывало (бедная Тони едва успела соскочить на пол), взъерошила себе волосы и нырнула под одеяло, на ходу расстегивая платье.

Дверь распахнулась, и с Раулем нос к носу столкнулась дама, в которой я узнала одну из фрейлин принцессы. Звали ее Эльвира; во всяком случае, именно так к ней как-то раз обращалась другая придворная дама. Больше про эту женщину я не знала ничего. Выглядела она, надо признать, вполне неплохо. Роскошные, черные как смоль волосы, длинные ресницы, белая ухоженная кожа, да и фигура – есть на что посмотреть, особенно учитывая то облегчающее платье, в котором она сейчас заявила к принцу. Платье было настолько откровенным и так подчеркивало все выступающие части тела, что даже мне невольно захотелось вытянуть руку и по-

щупать.

– Что вы здесь делаете, Эльвира? – спросил Рауль, едва за фрейлиной затворилась дверь.

Я тихонько фыркнула: ответ на вопрос очевиден.

– Ваше высочество, я так скучала! – Эльвира, похоже, не уловила в тоне принца грубоватых ноток. – Мы так давно не виделись, и я подумала, что, если вы не слишком заняты, мы могли бы этот вечер провести вместе.

Ну вот, я как чувствовала, что пришла сюда не вовремя! И что мне теперь делать? Не прятаться же под одеялом. Чего доброго, раздавят!

– Очень мило, что вы зашли, но я действительно занят, – без особого сожаления ответил принц, потихоньку оттесняя фрейлину к выходу.

– То есть как? – опешила Эльвира.

На ее месте я бы тоже удивилась, принимая во внимание ее одежду и выпирающие во все стороны достоинства. Но тут фрейлина выглянула из-за плеча принца и заметила меня.

– Что это?! – выдохнула она.

Рауль отступил в сторону, понимая, что выпроваживать любовницу уже бессмысленно.

– Что она здесь делает?! – не унималась возмущенная фрейлина. – Что ей здесь надо?

«Да уж точно не то же, что тебе», – хотела сказать я, но удержалась. Однако что-нибудь ответить было необходимо: дама так визжала, что я всерьез опасалась за сохранность ба-

рабанных перепонок его высочества. Я-то ничего, мне все-таки со скулящими щенками приходится иметь дело и с птичьими возгласами, так что я в некотором роде привыкшая, а вот для принца такие вопли могут оказаться в диковинку.

– Это совсем не то, что вы думаете, – деловито сказала я, садясь на кровати. При этом одеяло немного сползло, открывая взору уже оголенные плечи. – Просто в моей комнате разобрали камин. Там теперь очень холодно, а надо же мне где-то спать. Вот его высочество и был столь любезен, что предложил переночевать в его кровати.

Добиться желаемого результата удалось: визг прекратился. Теперь Эльвира стояла, раскрыв рот, и молча пожирала меня глазами.

– А у вас в комнате что, тоже ремонт? – невинно захлопала глазками я. – Ну не знаю, вы смотрите, у принца все-таки кровать не резиновая. Ему же и самому где-то спать надо. Эдак вы его на коврик сгоните.

Украдкой я покосилась на виновника торжества. Принц стоял в сторонке, сложив руки на груди, и не без интереса наблюдал за происходящим.

– Что ты о себе возомнила, выскочка? – У Эльвиры вновь прорезался дар речи. – Ты – никто, ты просто прислуга! Возвращайся в свою конюшню!

– Не в конюшню, а в оранжерею, – со вздохом поправила я.

– Да хоть в свинарник! – продолжала гнуть свою линию

фрейлина. – Немедленно убирайся отсюда вон!

Я постепенно начинала злиться и с трудом удерживала себя от того, чтобы тоже перейти на личности.

– Эльвира, мне только кажется или вы пытаетесь распоряжаться в моих покоях? – спокойно спросил Рауль.

– Простите, ваше высочество, – тяжело дыша, фрейлина обернулась к принцу, – но эта высочка вывела меня из себя. Она просто околдовала вас; у этих Говорящих есть очень сильные чары.

– Чары Говорящих распространяются только на животных, – отозвался принц. – Так что спасибо за лестное мнение.

Эльвира заметно покраснела:

– Я не...

– Спокойной ночи! – настойчиво сказал Рауль, красноречиво распахивая дверь.

Бросив на меня последний злобный взгляд, фрейлина вышла вон.

– И что это было? – поинтересовался принц, глядя на то, как я расположилась в его постели.

– Следую вашему совету, – пояснила я, поспешно натягивая платье на голые плечи. – Борюсь за свои права.

– У тебя неплохо получается. Эй, кто там есть! – Он повысил голос, на этот раз обращаясь к тем, кто дежурил за дверью.

Дверь робко приоткрыли, и в опочивальню просочились

двое стражников. Они остановились у самого входа и замерли, вжав голову в плечи, хорошо понимая, что серьезно провинились.

— Какого дьявола вы делаете на страже, если пускаете сюда кого попало? — спросил принц, окидывая их тяжелым взглядом. — Может быть, вас лучше отправить на границу воевать с разбойниками и кочевниками?

Ответить провинившиеся не осмелились; один из них лишь позволил себе едва заметно качнуть головой из стороны в сторону.

— И в самом деле, — от взгляда принца данное движение не ускользнуло, — этого делать нельзя. Если вы станете охранять границу, королевство захватят первые же, кто того пожелает! Я жду объяснений, — сказал он, помолчав несколько секунд. — Как случилось, что вы нарушили приказ?

— Мы подумали, что госпоже Эльвире входить не возбраняется, — пробормотал один из стражников, глядя в пол.

— Она так настаивала... — поддержал сослуживца другой.

— И в прошлый раз, когда она пришла без предупреждения, вы велели ее пропустить, — добавил первый.

— И что же, было настолько трудно сообразить, что сейчас несколько другой случай? — осведомился принц.

Стражники виновато развели руками.

— Идите отсюда вон, — раздраженно отмахнулся Рауль. — Я разберусь с вами позже. И скажите там, пусть принесут еще вина.

– Говорил я тебе: не надо пускать одну девицу, когда внутри другая, – тихо пробурчал первый стражник, выходя из комнаты. – А ты заладил, мол, две сразу – это еще лучше будет...

Сдерживать хохот мне удалось ровно до того момента, как за ними закрылась дверь.

– И все-таки нехорошо получилось, – призналась я, отсмеявшись. – Девушка сильно расстроилась, в сущности, на ровном месте. А она в вас, по-видимому, влюблена по уши.

– Влюблена? – изогнул брови принц. – Господь с тобой! Она пытается раскрутить меня на то, чтобы я пожаловал ее брату титул графа. И вот сейчас, когда она на полпути к цели, появляешься ты.

– Что же вы тогда с ней встречаетесь, если точно знаете, для чего ей это нужно? – изумилась я.

– Ну ты же мне отказала. Что теперь делать – приходится довольствоваться тем, что есть.

Даже будь я наивной дурочкой, готовой поверить в эту трогательную историю, слова принца были настолько щедро пропитаны сарказмом, что сомнений в их неискренности не оставалось.

– Я вам не отказала, – поспешила возразить я.

– Что-что?

– Формально – не отказала, – настаивала я. – Кто же станет отказывать принцу крови? Я пока еще не сумасшедшая.

– Ах так? Ну тогда давай ложись, – усмехнулся он, кивая

на кровать.

– Вот теперь отказала, – констатировала я.

В дверь в очередной раз постучали, и в опочивальню вошел лакей. В руках он держал поднос с бутылкой вина, бокалами и вазой с какими-то очередными сладостями. Лакей чинно прошел к столику, сохраняя при этом профессионально отрешенный вид, поставил поднос, разлил вино по бокалам и с поклоном удалился. Готова поклясться, он действовал бы столь же невозмутимо и размеренно, если бы в этот самый момент мы с принцем работали в постели над продолжением королевского рода.

– Я говорил только о вине. Что еще они притащили? – поморщился принц, подходя к столику.

– Решили вас задобрить, – пояснила я. – Надеются, что после кусочка пудинга у вас поднимется настроение и вы не станете слишком сурово наказывать их за оплошность.

– Ерунда, наказание определяется вовсе не моим настроением, – сказал Рауль, но, немного поразмыслив, добавил: – Впрочем, можно это проверить.

С этими словами он вытащил из вазы печенье и поднес его ко рту. Громкий лай взорвал только-только восстановившуюся в опочивальне тишину. Тони, в мгновение ока оказавшаяся возле принца, пыталась выхватить печенье из его руки, проявляя чудеса прыгучести.

– И что это значит, Говорящая? – спросил принц, стараясь перекрычать не утихающий лай.

– Это значит, – посерьезнев, ответила я, – что Тони честно отработывает свое право спать в вашей постели.

Принц повертел в руке безобидное на вид печенье.

– Поднимется настроение, говоришь? – бесстрастно произнес он. – Будем считать, что поднялось. Вот только что-то мне подсказывает, что при помощи такой взятки амнистии не добиться.

Глава 4

Первые подозрения

Немедленно проведенное расследование ничего не дало. Сладости действительно принесли, дабы повысить настроение его высочества, однако их приготовили для принца заранее и доставили бы в его покои если не сегодня вечером, так завтра утром. Подложить на самый верх печенье, приготовленное по особому рецепту, было не то чтобы просто, но возможно.

В данном расследовании я не участвовала, так как к нему привлекли людей, способных справиться с работой намного лучше меня. На завтра я занялась своими обычными делами, надеясь на то, что дознавателям удастся в конечном счете выяснить хоть что-нибудь, достойное внимания. Увы, эти надежды не оправдались. После обеда, так и не дождавшись мало-мальски содержательных новостей, я в первый раз за день покинула оранжерею. Надо было переговорить с плотником по поводу новой кормушки, которую я хотела заказать для игуаны. В качестве компании я взяла с собой Кирилла, нашего черного ворона: тот сидел у меня на плече, величаво поглядывая по сторонам. Плотника я обнаружила в саду, где он чинил одну из скамеек. Обсудив все, что нужно, я отправилась обратно, но по дороге услышала знакомые голоса,

доносившиеся из старой беседки. Судя по интонациям, спор разгорелся нешуточный и грозил в любую секунду перерасти в ссору. Спорили двое моих приятелей – Юджин, помощник секретаря его высочества, и Мейбл, камеристка принцессы.

Я никуда особенно не спешила и потому свернула на тропинку, ведущую к беседке. Затем, повернув голову направо (ворон сидел на правом плече), скомандовала:

– Кирилл, Юджин!

Ворон, который знал Юджина и потому мог выполнить команду, взмыл в воздух. Несколько взмахов крыльями, и он опустился Юджину на плечо. Тому потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что происходит и о чем свидетельствует появление птицы. Тогда он обернулся, выглянул из беседки и помахал мне рукой.

– Вот кто вправит тебе мозги! – воскликнул помощник секретаря, обращаясь к своей собеседнице.

– Следи лучше за собственными мозгами! – возмутилась Мейбл.

– По какому поводу такой шум? – поинтересовалась я, поднимаясь по ведущим внутрь ступенькам. – Зачем вправлять мозги? Что, снова привидение?

– Если бы! – откликнулся Юджин. – Оказывается, привидение – это так, детский лепет. Нет, эта красавица влюбилась!

– Ну и что, в чем же тут проблема? – рассмеялась я. – Влюбилась – и на здоровье! Для мозгов занятие, конечно, не

самое полезное, но оно того стоит.

– Дело не в том, что она влюбилась, а в том, в кого! – пояснил Юджин.

Я перевела взгляд на Мейбл, но та лишь сердито фыркнула, демонстративно отворачиваясь от помощника секретаря.

– И в кого же, если не секрет? – спросила я.

– В трубадура! – возмущенно ответил Юджин.

– Ну и что? – снова рассмеялась я. – На то и трубадуры, чтобы в них влюбляться.

– Вот! Понял? – победоносно сверкнула глазами Мейбл.

– Ох эта женская солидарность! – разочарованно покачал головой парень.

– Про какого трубадура вы говорите? – поинтересовалась я. – Про того, который приехал в город вместе с актерской труппой несколько дней назад?

– Тот самый, – кивнул Юджин.

– Ну тогда Мейбл тем более можно понять. У тебя хороший вкус, – похвалила я камеристку. – Он очень даже привлекателен.

– Ох нет, неужели и ты туда же? – в ужасе схватился за голову Юджин.

– Я не влюбилась, если ты это имеешь в виду. Я просто констатировала факт. И вообще, за ним фанатки бегают толпами. Чем наша Мейбл хуже?

Я расслабленно уселась под сенью свисающего с крыши плюща и пристроила локоть на спинке скамейки.

– А вот напрасно ты ей потакаешь, – продолжал сердиться Юджин. – Она же решила, что это все серьезно. С нее станет сбегать за ним следом, когда труп уедет из города, а то и просто перерезать себе вены от расстройства.

– Нет, вот этого уже делать не стоит, – согласилась с юншей я. – И вообще, с трубадуром по определению не может быть серьезных отношений.

Юджин победоносно посмотрел на поджавшую губы Мейбл.

– А с принцем что: может? – парировала та.

О, я гляжу, слухи и правда распространяются быстро.

– Ну конечно же нет, – улыбнулась я. – Перспективных отношений с принцами не бывает, если, конечно, ты сама не принцесса.

– И зачем же в таком случае ты с ним связалась?

– А как ты думаешь, зачем женщины обычно вступают в связь с принцами? – ответила я вопросом на вопрос. – Разумеется, чтобы что-то от них получить.

– Я тебе не верю, – скривилась Мейбл.

– Наконец-то мы с тобой в чем-то совпадаем, – поддержал ее Юджин.

– Ты хочешь сказать, – Мейбл сверлила меня недоверчивым взглядом, – что спишь с ним, как обычная продажная женщина?

Я неопределенно пожала плечами:

– Давай не будем навешивать ярлыки. Каждого челове-

ка можно купить, весь вопрос в том, за что, – своевременно припомнила я рассуждения принца.

– Глупости, – фыркнул Юджин.

– Как сказать. Допустим, Рауль пообещал мне что-то, от чего я не смогла отказаться.

– Например, что? – насмешливо спросил Юджин.

– Ну... например, дельфина.

– Какого еще дельфина? – Юджин опешил примерно так же, как в свое время его высочество.

– Самого обыкновенного. Серого дельфина, афалину или, на худой конец, белуху.

– Ты хочешь сказать, что отдалась принцу за дельфина? – Юноша хмыкнул.

– А если и так, то что? – с вызовом спросила я. – Это же лучше, чем наоборот!

– По-моему, ты кривишь душой, – заявила Мейбл.

– Совершенно верно, – поддержал ее Юджин. – Нет у нее никаких отношений с принцем.

– Как это нет? – отмахнулась Мейбл. – Есть, конечно, об этом все знают. Она была на королевской трапезе! Он не привел бы ее туда просто так.

– Тогда чему ты не веришь?

– Тому, что она делает это в корыстных целях. Знаешь, что я думаю? – обратилась ко мне камеристка. – Я думаю, ты по-настоящему в него влюблена, но только стесняешься в этом признаться.

– В кого, в принца?! – изумилась я.

– В него самого, – убежденно подтвердила девушка. – А что тут такого? – добавила она, без труда выдерживая скептический взгляд Юджина. – Он, между прочим, красавчик. Вообще в такого, как он, очень легко влюбиться.

– Но он же принц! – простонал Юджин.

– Ну и что, что принц? – пожала плечами камеристка. – Принц – он что же, не человек?

– Да, но мы возвращаемся к тому, с чего начали, – отозвался Юджин. – Отношения с принцем совершенно бесперспективны по определению.

– Это смотря к каким перспективам стремиться, – уточнила я. – Замужество тут не светит, это понятно. А вот если, например, графский титул для брата...

– У тебя нет брата, – напомнил Юджин.

– Ну какая разница, тогда для мужа.

– И мужа у тебя тоже нет.

– Да? Какая досада. Не для кого выбить титул... Ну а может, я просто хочу норковую шубку или бриллиантовое ожерелье.

– Для тебя мелкогато.

– Между прочим, ты, Юджин, не прав, – вмешалась Мей-бл. – Насчет бесперспективности отношений. Это, конечно, редкость, но иногда отношения с принцами у женщин более низкого круга бывали очень даже серьезными. Книжки надо читать.

– Женские романы, что ли? – презрительно скривился Юджин.

– Нет, учебники истории, – возразила девушка. – В некоторых случаях фаворитки становились вполне постоянными спутницами жизни и имели немалое влияние при дворе. И я слышала как минимум о двух историях, закончившихся свадьбой. Например, в одном из соседних государств принц совсем недавно женился на кухарке! Ни больше ни меньше. Правда, она оказалась в родстве с феями.

– Ну, у меня в роду фей не было, так что до свадьбы дело не дойдет, – подытожила я.

– Да ладно, хватит морочить нам голову, – отмахнулся Юджин. – Нет у тебя никакого романа с принцем. Готов поспорить на все что угодно.

– Романа нет, – согласилась я. – Только постель.

Принимать спор я по понятным причинам не торопилась.

– Врешь.

– Хорошо, тогда скажи, что я делаю в покоях принца каждый вечер?

– Понятия не имею.

– Юджин еще не пережил подростковый возраст, – усмехнулась Мейбл. – Он даже не знает, что делают женщина и мужчина, оставаясь вдвоем в опочивальне.

– Хорошо, – не сдавался Юджин, – тогда скажи-ка мне, Айрин, на каком плече у принца шрам?

– А у него что, есть шрам на плече? – с любопытством

спросила я и тут же прикусила язык.

Юджин смотрел на меня с самодовольством победителя.

– А сам-то ты откуда знаешь про шрам? – перешла в нападение я. – Ты что – с принцем в баню ходил?

– Знаю, и все. Морис как-то проговорился, принц с ним фехтует время от времени. А ты от ответа-то не увиливай!

Черт бы побрал Юджина с его прозорливостью. Хоть бы не болтал о своих выводах при посторонних. А то отправят меня в подвалы за разглашение, и это при том, что я честно держала язык за зубами!

– А я и не увиливаю, – защищалась я. – Там в опочивальне обычно темно. И вообще, зачем мне его разглядывать?

– Юджин, прекрати ее смущать! – возмутилась Мейбл.

– Что-то она не выглядит сильно смущенной. – Парень поднял голову и посмотрел на небо. – Черт, мне пора во дворец. Эштон буквально завалил меня работой.

Джордж Эштон был личным секретарем его высочества.

– В последнее время он загружает тебя все больше, – недовольно заметила Мейбл.

– Это как-то связано со смертью Эдварда и передачей короны? – предположила я. – У вас стало больше дел, чем обычно?

– Да нет, он просто вконец разленился, – объяснил Юджин. – Не делает почти ничего. За последнюю неделю я самостоятельно составил тексты трех указов и написал с десятков писем королям и министрам соседних стран. При том,

что такими вещами секретарь обязан заниматься самолично.
– Зато тебе оказано особое доверие, – попыталась подбодрить я.

– Это, конечно, прекрасно, – отозвался Юджин, – но в случае чего отвечать тоже придется мне. А я в отличие от Эштона в кабинет к принцу не вхож и при обсуждении указов не присутствую. Могу где-нибудь и оплошать, и что тогда?

– Тогда первой все равно полетит голова Эштона, – обнадежила я. – И раз уж он перекидывает эту работу на тебя, значит, уверен, что ты справишься с ней не хуже.

– Я, может, и справлюсь не хуже, – согласился Юджин, – особенно учитывая то количество вина, которое он в последнее время поглощает. Но кто-нибудь мне объяснит, почему я должен выполнять работу секретаря, имея при этом жалование помощника?

– Я могу объяснить тебе это с легкостью, – заверила я. – У Эштона двоюродный дядя – барон, правильно? Правильно. А ты всего-то-навсего закончил академию. И никакого дяди у тебя нет. Так что извини.

– Я бы с удовольствием с тобой поспорил, но увы. Ты права. Все, мне пора бежать.

Юджин перемахнул через ограждение и, обернувшись, добавил:

– А в твой роман с принцем я все равно не верю!
Сделав прощальный жест рукой, он побежал в сторону дворца.

– Мальчишка и есть, – фыркнула Мейбл, глядя ему вслед.

– Не забывай, что этот мальчишка выполняет важнейшую в управлении государством работу, – возразила я. – В некотором роде он сейчас – второй человек в королевстве после принца. Вот только соответствующего почета не получает. Исключительно дела и ответственность. Все минусы и никаких плюсов.

– Какое счастье, что тебя не слышит Мелинда, – сказала Мейбл. – На роль второго человека в государстве она, несомненно, претендует сама.

«Хорошо если не на первую», – подумала я.

– Кстати, хотела тебя спросить... Ты не замечала в последнее время в поведении принцессы ничего необычного?

– Не знаю. Наверное, нет. А что ты имеешь в виду? – нахмурилась Мейбл.

– Может быть, она встречалась с кем-то, с кем обычно не общается. Передавала какие-нибудь тайные послания. Или, к примеру, у нее было недомогание и она сама ходила к аптекарю.

– Да нет, не помню ничего такого, – задумчиво покачала головой девушка. – Единственное что... У нее действительно была одна странная встреча. Буквально вчера. Ты что, знала?

– Скорее предполагала, – уклончиво ответила я. – А что в этой встрече такого странного?

– Ну как, она же ходила туда без сопровождающих, – по-

яснила Мейбл. – Я видела, как она выскользнула из дворца. На ней был плащ с капюшоном, как будто она не хотела быть узнанной, и она несколько раз оглянулась, словно проверяя, не идет ли кто-нибудь по пятам.

– Понятно, – кивнула я. Тут есть о чем подумать. – А привидение ты как, больше не встречала?

– Хочешь поиздеваться? – огрызнулась камеристка. – Не старайся, Юджина тебе все равно не переплюнуть.

– Ну почему же, я вовсе не издеваюсь. Наоборот, вполне искренне интересуюсь.

Мейбл бросила на меня полный подозрения взгляд, но подтверждений тому, что я иронизирую, не обнаружила.

– Нет, с тех пор я его больше не видела. Но двух раз тоже, знаешь ли, хватило. Теперь я предпочитаю не покидать свою комнату после десяти часов вечера.

– Скажи, а как ты полагаешь, это не могла быть обычная светловолосая девушка, которой захотелось над кем-то подшутить?

– Не могла, – уверенно ответила Мейбл. – Во-первых, там никого, кроме меня, не было, а я сомневаюсь, чтобы какая-то девушка захотела так подшутить надо мной. Вот если бы это был мужчина, тогда да, я бы сразу заподозрила Юджина. Во-вторых, ее белизна – совсем неестественная, это не похоже на обыкновенную белую одежду и светлые волосы. А главное, она же летела!

– Летела? – удивленно переспросила я.

– Именно! Она передвигалась, не касаясь пола. Немного странно для шутки, правда?

Я задумчиво кивнула. Для шутки это и правда перебор. Но если не розыгрыш, то что же это на самом деле?

В оранжерею я возвратилась, получив добрую порцию пищи для размышлений. К вечеру у меня возникла одна идея. Хотелось проверить теорию принца о том, что привидение все-таки изображает самая обыкновенная женщина. К утверждению Мейбл о неестественной белизне бродящего по замку существа я отнеслась не слишком серьезно. Ночью, в темноте вообще трудно судить о цвете увиденного предмета, что уж говорить об оттенках. Что же касается способности привидения летать – это, конечно, более весомый аргумент. Но об этом я могла поразмыслить и позднее.

Вечером я расположилась перед зеркалом и принялась приводить себя в нужный вид. Снова пригодились белила, при помощи которых я уродовала себя несколько дней назад. Сегодня я опять нанесла их на лицо плотным слоем, но только не стала ни красить щеки, ни рисовать синяки под глазами. Далее настала очередь костюма. Для сегодняшних целей я приготовила свое единственное платье белого цвета. Для работы такое платье было непрактичным, для выхода – простоватым, а вот для роли привидения вполне могло подойти. Белого плаща я не нашла и представления не имела, где таковой можно раздобыть, поэтому решила обойтись простыней, которой придала нужную форму при помощи нитки с иглой.

кой. Довершал образ светлый парик, одолженный у Аманды, моей приятельницы, профессионально занимавшейся макияжем и прической многих придворных дам.

К тому моменту, когда я завершила перевоплощение, колокол пробил одиннадцать раз. Теперь можно прогуляться по коридорам дворца. Мой план был предельно прост. Я хотела увидеть реакцию здешних обитателей на появление одетой в белое, но вполне себе живой женщины в поле их зрения в ночное время. Будут ли они убеждены в том, что видели привидение, или же с легкостью раскусят самозванку? Испугаются или подойдут поближе? Наконец, если само знаменитое привидение надумает выйти на встречу с сородичем, я тоже не стану возражать. Поболтаем с ним разок тет-а-тет и расставим все точки над «и».

Я тихонько вышла из оранжереи, поднялась на один из жилых этажей и принялась бродить по коридору. Увы, вокруг было пусто: дворец спал. Неужели все здешние обитатели так рано ложатся? Или многие так же, как и Мейбл, сидят по своим опочивальням, опасаясь встречи с привидением?

Продолжая бесцельно прохаживаться по этажу, я постепенно погрузилась в размышления. Итак, что мы имеем? Мелинда является главной претенденткой на престол, случись что-нибудь с Раулем. Она определенно беспокоится о вопросе престолонаследия, об этом говорит ее недоверие и неприязнь по отношению к Ридзу. Далее, она инкогнито отправляется на тайную встречу, и вечером того же дня на

жизнь Рауля совершается покушение. Если бы не феноменальный нюх Тони, принца скорее всего уже не было бы в живых. Какой можно из всего этого сделать вывод?.. В сущности, никакого. Подозрений много, а фактов – ноль.

Я так глубоко задумалась, что не сразу заметила появившуюся в коридоре горничную. Мы были шапочно знакомы, поэтому я улыбнулась и помахала ей рукой. Совершенно неожиданно для меня женщина вскрикнула, схватилась за сердце и стала пятиться назад. Естественно, она почти сразу же споткнулась и упала.

– Вы не ушиблись? – с сочувствием спросила я.

Не задумываясь о своем внешнем виде, я поспешила горничной на помощь. Пока та копошилась на полу, я подошла, склонилась над ней и протянула руку, чтобы помочь встать. Горничная изменилась в лице, цвет которого стал еще более бледным, чем у меня, и принялась быстро отползать назад. Сообразив наконец, в чем причина ее странного поведения, я попыталась ободряюще улыбнуться, и именно это, похоже, окончательно доконало бедняжку. Она закатила глаза и потеряла сознание.

Что мне оставалось делать? Бросить ее в таком состоянии в пустом коридоре я не могла. Но и пытаться самолично привести ее в чувство – тоже плохая идея. Придя в себя и увидев над собой мое лицо, она, должно быть, снова потеряет сознание в ту же секунду. Поэтому я решила действовать по-другому. Подойдя к ближайшей двери, постучала. Ответа не

последовало, и я постучала погромче.

– Откройте! – позвала я. – Тут женщине стало плохо. Помогите, пожалуйста!

Щелкнул засов, и дверь распахнулась. На пороге показалась молодая женщина, одетая в легкую ночную рубашку, поверх которой был наспех накинут халат. Взглянув на меня, женщина издала какой-то странный булькающий звук и медленно сползла по стене на пол.

Чертыхнувшись, я присела на корточки, взяла ее за запястье и пощупала пульс. Жить будет. Пожалуй, больше ничего предпринимать мне здесь не следовало. Стучаться в другие двери глупо, возвращать в чувство этих – тем более, дело могло закончиться чьим-нибудь сердечным приступом. Я уже почти решилась оставить все как есть и ретироваться, как вдруг у меня за спиной кто-то произнес:

– Не обращайтесь на них внимания. Дуры – они дуры и есть.

Я обернулась и увидела возле двери одной из комнат мужчину лет сорока, худого и невысокого.

– Ну хоть вы-то понимаете, что все это бред? – с чувством облегчения спросила я.

– Конечно! – заверили меня. – Бояться привидений! Это в наше-то время!

Наконец-то я вижу перед собой адекватного человека! На радостях я почти была готова его расцеловать.

– Вот зеленые чертики – это да, это страшно, – со знанием дела заявил мужчина. – А привидение – это что, это

нисколючки не страшно, с привидением даже на брудершафт выпить можно.

С этими словами он вытянул вперед руку, в которой, как оказалось, держал наполовину опорожненную бутылку с каким-то горячительным напитком. Мужчина шагнул ко мне поближе идохнул такой волной перегара, что настоящее привидение на моем месте развеялось бы в ту же секунду.

– Будешь? – спросил он, протягивая бутылку.

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась я. – Когда из нее вылезет джинн, передавайте ему привет.

– А что, и передам, – не моргнув глазом, пообещал мужчина.

Я направилась в сторону лестницы. Да, похоже, адекватных людей в этом дворце встретить трудно. Помимо принца и Юджина, их можно пересчитать по пальцам... Внезапно я застыла на месте, чувствуя, как принимается учащенно биться сердце. Передо мной возле высокой каменной колонны стояла светловолосая женщина, облаченная в белое одеяние. Мертвенно-бледное лицо обрамляли многочисленные длинные локоны цвета льна. Я инстинктивно отступила назад... и поняла, что женщина сделала то же самое. Я с шумом выдохнула воздух. Не знаю, зачем кому-то понадобилось устанавливать возле колонны зеркало, но оно сыграло со мной злую шутку. А заодно доказало, что адекватных людей во дворце на одного меньше, чем я думала. Саму меня из этого списка явно следовало исключить.

Глава 5

Визит в оранжерею

На следующее утро я по понятным причинам проснулась немного позднее обычного. Если привидение и рассердилось на то, что я отбиваю у него хлеб, то никак меня об этом не уведомило. А может, оно и попыталось в отместку меня напугать, но я слишком крепко спала, чтобы это заметить.

Было что-то около полудня, когда без предварительного стука дверь, ведущая в оранжерею, распахнулась и по усыпанной гравием дорожке быстро зашагал посторонний. Узнала я его моментально: тот самый человек принца, что так неудачно вручил мне розовое платье несколько дней назад. С тех пор мне стало известно, что он являлся одним из телохранителей его высочества и носил редкое имя Джон.

Я взглянула на вошедшего не без любопытства. Посмотрим, что нужно этому молодому человеку на сей раз. Если он принес мне черные чулки с поясом, я точно спущу на него собак. Джон не заставил меня долго гадать о причине своего визита.

— Сюда идет его высочество, — заявил он с ощутимой нервозностью в голосе. Такое напряжение характерно для людей, чья работа сопряжена с большой ответственностью. — Скорее приведи себя в порядок.

У этого парня просто навязчивая идея. Я и так в порядке, без его постоянных подсказок.

– Передай принцу, что я не могу его сейчас принять, – сказала я, лениво откинувшись на спинку скамейки.

– Почему? – опешил телохранитель.

– Эм... У меня ногти не покрашены.

– Очень плохо, – попенял Джон, бросая взгляд на часы, – но придется оставить как есть.

– Да ты что, с ума сошел?! – с деланным ужасом воскликнула я. – Как можно принимать принца с ненакрашенными ногтями?!

– Ладно, – парень определенно начинал нервничать, что доставило мне немалое удовольствие, – я попробую ненадолго задержать его высочество. Сколько времени тебе нужно, чтобы привести ногти в порядок?

– Часа полтора, – ответила я.

– Что?! – Он чуть не подпрыгнул на месте от ужаса.

– Или два, – мстительно добавила я. А если переспросит еще раз, будут все четыре.

На лице парня отчетливо отразилась мысль о том, какое наказание ждет его в случае, если пассия его высочества окажется не готова к встрече. Создавалось такое впечатление, что спина телохранителя уже ноет от ударов еще не назначенных ему плетей.

– Я не смогу задержать принца так надолго! – В его голосе зазвучали панические нотки.

– И не надо, – пожала плечами я. – Просто передай ему, что сегодня я не смогу его принять.

– Что?!

Рука Джона непроизвольно приблизилась к горлу. Плети определенно сменились в его воображении несколькими месяцами тюремного заключения.

– А что тут такого? – невинно спросила я. – Скажи, что у меня голова болит.

– Не мели чепуху! – почти закричал парень.

Очень напрасно. С детства не люблю, когда на меня повышают голос.

– Ну ладно, в таком случае можешь сказать, что меня с утра подташнивает и тянет на соленькое. Что, тоже плохо? – правильно интерпретировала я то, как Джон переменялся в лице. – Ты думаешь, он не обрадуется?

– Айрин! – внезапно послышалось из расположенной неподалеку беседки.

– Кто там? – тут же напрягся телохранитель.

Увивавший стенки беседки виноград не позволял ему заглянуть внутрь.

– Кузнец, – ответила я первое, что пришло в голову.

– Какой еще кузнец? – пролепетал Джон.

– Ну как какой... Симпатичный такой, сильный, мускулистый, – принялась мечтательно перечислять я.

– Да как ты осмелилась притащить сюда кузнеца?! – заорал парень.

– А почему бы нет? – обиженно спросила я. – Я же не знала, что принц решит прийти сюда именно сегодня.

Телохранитель судорожно сглотнул, на сей раз предчувствуя, что дело кончится дыбой.

– Пускай немедленно убирается! – прошипел он. – Здесь есть запасной выход? Черный ход?

– Нет, – ответила я, – но можно уже сейчас начинать рыть тоннель. Повторяю: скажи принцу, что я сегодня занята... Или нет. Знаешь, у меня есть идея получше. Пускай приходит. Втроем даже веселее.

Джон схватился за голову. Все прежние опасения отступили на второй план; перед глазами теперь мерно покачивалась предназначенная для его шеи петля.

Снова скрипнул гравий, и в оранжерею вошел принц. Телохранитель поклонился, я поднялась со скамьи и присела в реверансе.

– Я не помешаю? – осведомился Рауль.

Джон весь напрягся, а я почтительно ответила, не прерывая реверанса:

– Ну что вы, ваше высочество, как вы можете помешать? Ваш визит – всегда большая честь. Прошу вас, – добавила я, указывая на беседку.

Джон принялся энергично вращать глазами, но я сделала вид, что не понимаю его знаков.

Кивнув, принц шагнул в сторону беседки.

– Ваше высочество, не надо туда заходить, – вмешался те-

лохранитель.

– Отчего? – спросил Рауль, останавливаясь.

– Там сквозняк, вы можете простудиться.

– Сквозняк в оранжерее? – удивился принц.

– То есть я хотел сказать – наоборот. Там жарко, очень жарко. Невыносимо душно. – Джон нервно сцепил руки.

– Вот и прекрасно, потому что во дворце собачий холод, – отозвался принц, снова направившись к беседке.

– Ваше высочество! – в отчаянии воззвал телохранитель. – Там, в беседке, кузнец. Он только что пришел, чтобы изготовить... – Он защелкал пальцами, пытаясь придумать что-нибудь убедительное.

– Подкову для попугая, – подсказала я.

– Подкову для попугая, – с облегчением повторил Джон и тут же недоуменно воззрился на меня, осознавая, что сказал что-то не то.

Между тем мы следом за принцем вошли в беседку. Никакого кузнеца там, ясное дело, не было. На спинке скамейки, как на жердочке, восседал попугай жако.

– Айрин! Айрин! – отчетливо произнес он, как только я оказалась внутри.

У Джона затряслись руки.

– Попугая я вижу, – заметил принц. – А где кузнец?

– Не было никакого кузнеца, ваше высочество, – развела руками я. – Даже не знаю, с чего это пришло молодому человеку в голову.

– Джон, ты свободен. – Рауль кивнул в сторону выхода.

Телохранитель открыл было рот, но то ли не решился что-либо сказать, то ли попросту не нашел слов.

– Джон, ты свободен, – повторила я с вежливой улыбкой.

Сглотнув, парень склонил голову перед принцем и вышел из беседки, а затем и из оранжереи.

– Признавайтесь, ваше высочество, как долго вы подслушивали под дверь? – осведомилась я.

– Ты неисправима, – поморщился Рауль. – Принцы не подслушивают под дверь. Они слышат сквозь стены. – Я продолжала вопросительно смотреть, и он ответил: – Достаточно долго. За что ты его так?

– За то розовое платье и вообще за наглость, – вполне серьезно ответила я.

– Женская месть воистину страшна, – заключил принц.

– Переживет. Между прочим, я еще несколько дней назад могла вас попросить его уволить. Так что пускай терпит.

– Резонно, – признал Рауль. – А как ты догадалась, что я подслу... слышал сквозь стену?

– Этот вопрос: «Я не помешаю?» – был перебором. Вы бы никогда этого не сказали, если бы не стали свидетелем нашего разговора. Что слышно во дворце? – поинтересовалась я.

– Ничего особенного. – Принц раздраженно качнул головой. – Еще две истеричные барышни видели привидение. Пора бы разобраться с этой историей раз и навсегда, да времени нет.

– Когда будете разбираться, вы прошлую ночь не считайте, хорошо? – Я виновато прикусила губу.

– Почему?

– Потому что прошлой ночью это была я.

– Что – «ты»? – не понял Рауль.

– Ну это я разгуливала по замку в белом платье и светлом парике.

Уже не в первый раз принц посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Если тебе нечего делать по ночам, – сказал он наконец, – заведи себе любовника.

– А может быть, он у меня уже есть?

– Ну да, гипотетический, вроде кузнеца.

– Как я могу завести любовника, когда все считают моим любовником вас? Кто же осмелится перебежать дорогу принцу?

– Что, набиваешь цену? – хмыкнул он.

– Да. Хочу, чтобы вы все-таки поймали дельфина сачком.

– Какого черта тебе понадобилось ходить по дворцу ночью, да еще и в белом платье?

– Надеялась выйти замуж за какого-нибудь лунатика, – брякнула я, но затем посерьезнела. – Ну я же дочь ученого, помните? Решила провести эксперимент. Проверить, примут ли люди нормального живого человека за привидение, если он будет соответствующим образом одет.

– Насчет нормального я бы не говорил с такой уверенно-

стью. Но в остальном, насколько я понимаю, эксперимент удался?

– Более чем.

– Прекрасно. В таком случае, может быть, объяснишь мне, как тебе удалось летать?

– Летать? – настала моя очередь удивиться.

– Именно. Одна из женщин готова поклясться, что ты двигалась, не касаясь ногами пола.

– Я, конечно, девушка жутко талантливая, – сыронизировала я, – но летать – это перебор. Где и когда та женщина видела привидение?

– На третьем этаже в восточном крыле около половины двенадцатого.

– Это та, которая упала в обморок в коридоре?

– Верно.

– Ничего не понимаю. Она действительно видела меня, но, честное слово, я не летала.

– Сколь ни удивительно, я склонен тебе поверить, – отозвался принц. – Это только лишний раз подтверждает, что люди с богатым воображением придумают что угодно.

– И все равно было бы неплохо найти человека с самым богатым воображением – того, который стоит за всей этой историей, – заметила я, поднимая со стола исписанный лист бумаги и принимаясь сворачивать его в трубочку. – Кстати, о поисках. Дознателям удалось раскопать что-нибудь новое по поводу позавчерашнего покушения?

– Ничего заслуживающего внимания. У тебя есть какая-нибудь информация?

– Есть, но думаю, она пока тоже не заслуживает внимания, – уклончиво ответила я. – Имеются некоторые причины предполагать, что за покушениями может стоять ваша сестра. Но это пока, мягко говоря, не точно. Только намеки, которые надо тщательно проверять.

– Так проверяй.

– Попробую.

Я аккуратно перевязала свернутый лист красной ленточкой, удостоверяясь в том, что документ украшен красивым ровным бантиком.

– Что это? – спросил принц.

– А это вам. – Я торжественно протянула ему бумагу.

– Тогда зачем было так тщательно его запаковывать?

– А для порядка.

Вздыхнув, принц одним движением развязал бантик, не проявляя должного уважения к моим недавним стараниям, развернул бумагу и принялся вглядываться в текст. Секунд через десять он поднял глаза и, нахмурившись, спросил:

– Ну и что это за список?

– Это мои самые-самые близкие друзья и родственники, – ответила я.

– Здесь же с полсотни имен!

– Ровно сорок семь, – уточнила я. – Даже не подозревала, что я настолько коммуникабельна. За последние несколь-

ко дней все эти люди внезапно вспомнили, что ближе них у меня практически никого нет, вспыхнули ко мне теплыми дружескими чувствами и поинтересовались, не могу ли я по этому поводу выпросить для них у вашего высочества самую малость.

– А почему имена поделены на группы?

– А вы прочитайте. Я решила немного систематизировать список, чтобы вам было удобнее. – Мы вместе склонились над документом. – Вот первая группа – это те, которым срочно требуется материальная помощь из казны, вторая – желающие устроиться на работу во дворец, а вот эти давно мечтают о повышении по службе. Ну и несколько отдельных имен для людей с особыми просьбами. Например, троюродная кузина по материнской линии, которая мечтает стать фрейлиной ее высочества.

– Ты что, хочешь, чтобы я исполнил все это? – Принц недоверчиво помахал у меня перед лицом списком.

– Нет, конечно, – ответила я.

– Тогда зачем ты подготовила этот список?

– Чтобы вы были в курсе, чего стоит быть вашей фавориткой.

– И что теперь прикажешь с этим делать? – Рауль снова взглянул на документ.

– Да что хотите, – милостиво разрешила я. – Можете выбросить, а можете на стенку повесить. Ну или указ какой-нибудь написать на обратной стороне – это если в королевстве

не будет хватать бумаги. Нет, я понимаю, конечно, подразумевалось, что я стану действовать по-другому. Я должна была между делом, как бы невзначай намекнуть вам на то, что такого-то и такого-то просто-таки необходимо назначить, допустим, новым поставщиком тканей во дворец. И время подобрать такое, чтобы вы ну никак не могли мне отказать. Скажем, в постели, в самый ответственный момент.

– Ты находишь это смешным? – как-то тоскливо спросил Рауль.

– По-моему, вполне... Ох, нет! – Я наконец сумела интерпретировать его интонацию. – Хотите сказать, какая-то женщина именно так и поступила?

– Какая-то? – переспросил он. – Да практически все.

– Да, невесело, – вынужденно признала я. – Хотя с другой стороны... В общем-то все справедливо. Это своего рода плата за то, что вы легко можете получить любую женщину. Вам не надо приглашать на свидания, дарить цветы, добиваться, гадать, любит – не любит. Достаточно одного слова – и любая женщина вам отдалась.

– Что-то ты не очень-то отдалась, – напомнил его высочество.

– Только не говорите, что вы об этом жалеете, – фыркнула я.

– Не дожدهшься.

Послышалось хлопанье крыльев, и Кирилл привычно приземлился на подставленный мной локоть, после чего

вскарабкался по рукаву на правое плечо. Генри, не желая отставать, устроился на левом.

– Если бы птицы умели говорить и попросили тебя замолвить за них словечко, ты бы точно сделала это менее топорно, – усмехнулся принц.

– Они умеют говорить, – заступилась за своих подопечных я. – Во всяком случае, некоторые из них.

– Ну да, попугай, например, – без особого восторга согласился Рауль. – Говорить он умеет, это я только что слышал. Но что с того, если он просто повторяет услышанный звук, понятия не имея, что этот звук означает?

– Вы так думаете? – отозвалась я. – Ошибаетесь. Эта птичка гораздо умнее, чем вы полагаете.

– С трудом верится. Какое количество мозгов может уместиться в такой маленькой головке?

– Вы удивитесь.

– Ну попытайся меня удивить.

– Почему бы и нет? Раз уж вы в кои-то веки добрались до оранжереи, давайте я продемонстрирую вам, что умеют делать ваши животные.

Согласно хмыкнув, принц откинулся на спинку скамьи с тем скептическим выражением лица, какое, как правило, бывает у людей, стремящихся разоблачить фокусника.

Я извлекла из кармана три ореха и положила на стол.

– Сколько орехов? – спросила я у Генри, четко выговаривая слова.

– Три, – ответил попугай.

Я вручила ему один орешек в качестве поощрения.

– Ты просто научила его говорить «три» в ответ на этот вопрос, – попытался разоблачить меня принц.

Я молча извлекла из кармана еще три ореха и добавила к оставшимся на столе.

– Сколько орехов? – опять спросила я.

– Пять, – ответил Генри и снова получил свою награду.

Я вопросительно посмотрела на Рауля.

– Значит, ты подаешь ему какой-то знак, – снова проявил скептицизм тот.

– Вот, возьмите. – Я запустила руку в карман и извлекла оттуда целую горсть орехов. – Дайте ему сколько сами захотите и задайте тот же вопрос. Только запомните: он умеет считать до семи.

Для чистоты эксперимента я вышла из беседки и остановилась, повернувшись к ней спиной. После трех вопросов принц сдался.

– Ладно, считать он действительно умеет, – признал Рауль.

– И понимает значение произносимых им слов, – отметила я.

– Допустим, – кивнул принц чуть менее уверенно. – А вот что, тоже умеет говорить?

– Говорить – нет. Зато умеет понимать. Редкое качество даже для людей, – хмыкнула я.

– И откуда же ты это знаешь, если говорить он не может?
Чем долго объяснять, лучше один раз продемонстрировать.

– Кирилл, пальма!

Ворон спорхнул с моего плеча и перелетел на пальмовую ветвь.

– Стол! – продолжила я.

Ворон переместился на столешницу.

– Скамья!

Раскинув крылья, Кирилл спикировал на сиденье.

– Айрин! – сказала я затем.

Ворон вернулся ко мне на плечо.

– Достаточно? – осведомилась я у принца.

– А ко мне на руку он сможет перелететь по такой команде?

– Пока нет. Даже людей требуется познакомить, прежде чем они смогут узнавать друг друга по имени. Но можно его научить.

Чем я незамедлительно и занялась.

К тому времени, когда Кириллу осточертело перелетать с руки на руку даже за награду и он уже был готов сказать человеческим голосом: «Жрите сами свои орехи!», принц собрался уходить. Напоследок напомнил мне о необходимости наведаться вечером в его опочивальню. Легенду, как ни крути, надо подпитывать.

– А можно я возьму с собой книжку? – спросила я.

– Хочешь почитать мне вслух? – сыронизировал Рауль.

– Могу и вслух, если вы любите женские романы, – не осталась в долгу я. – На самом деле нужно же мне как-то коротать время. У вас свои дела, мешать я не хочу. И потом давно хотела спросить. Мне что же, и на всю ночь тоже придется оставаться? Иначе у офицеров охраны могут возникнуть подозрения, ведь так?

– Могу тебя успокоить: никаких подозрений не возникнет, – заверил принц, направляясь к выходу. – Я никогда не оставляю у себя женщин на всю ночь.

Я предоставила ему уйти по своим делам, не задавая лишних вопросов. Не стала интересоваться, не потому ли он предпочитает спать один, что превращается по ночам в страшное чудовище. И без того очевидно, что Рауль никого не подпускает к себе слишком близко. А проведенная вместе ночь сближает порой гораздо сильнее любовных утех.

Глава 6

Первый поцелуй.

А также второй, третий и еще несколько

Поскольку траур по королю Эдварду еще не закончился, праздник наступления осени отмечался во дворце менее пышно, чем обычно. Не было ни бала, ни роскошного пиршества, ни наплыва гостей со всего королевства. Тем не менее дань традиции следовало отдать, и потому небольшое празднество для «самых близких» все-таки состоялось. В небольшой, но торжественно обставленной зале в узком кругу собрались избранные представители высшего света, дабы отметить смену времен года, традиционно праздновавшуюся двадцать четвертого сентября, бокалом хорошего вина. А может, двумя бокалами или даже пятнадцатю. На торжестве присутствовали парочка баронов с женами, принцесса Мелинда с тремя фрейлинами, принц Рауль с несколькими сопровождающими, Гектор Вилстон, отчего-то пришедший в одиночестве, а также граф Роберт в сопровождении Джозефа Ридза.

Разумеется, меня на это мероприятие для избранных никто не приглашал, да я туда особенно и не стремилась. Но

случилось так, что, вконец заматавшись, я забыла своевременно дать Рональду его лекарство. У волкодава было воспаление в левом ухе, и, чтобы состояние пса не ухудшилось, лекарство следовало давать регулярно. Взглянув на часы, я понадеялась, что, если потороплюсь, успею перехватить Рональда прежде, чем он окажется на приеме в сопровождении принца (то есть я хотела сказать – наоборот, хотя какая, в сущности, разница, кто кого сопровождает?). Увы, я все-таки опоздала. Торжество началось буквально за полминуты до моего появления, но вход в залу, где оно проходило, уже был закрыт для простых смертных.

Однако я не стала опускать руки. Пусть в саму залу мне не попасть, но я могу зайти в смежную с ней комнатку, предназначенную в основном для слуг. Оттуда можно заглянуть в помещение для торжеств. Я надеялась, что смогу незаметно для всех позвать к себе волкодава, дать ему лекарство и затем столь же незаметно исчезнуть. В таком случае с лечением не пришлось бы ждать еще несколько часов.

Комнатушка казалась больше похожей на кладовку. Здесь было тесно и полутемно; вдоль стен располагалось несколько столов, уставленных всевозможными предметами, которые могли пригодиться во время празднества: подносы, бокалы, бутылки с напитками, утварь, необходимая для быстрой уборки, буде таковую понадобится произвести, и так далее. Заглянуть в зал в поисках Рональда я не успела. Под одним из столов, почти незаметный для невнимательного взгляда,

лежал без движения небольшой пушистый комочек. Комочек, в котором я сразу же опознала Тони.

Я бросилась к собаке и поскорее вытащила ее на середину комнаты, туда, где было наиболее светло. В процессе успела как следует приложиться головой о край стола, но почти не обратила на это внимания. Зато хорошо заметила пятнышко крови, которое осталось на полу там, где лежало маленькое съжившееся тельце. Сердце бешено колотилось, щеки пылали. Боясь поставить окончательный диагноз, но не позволяя себе особенно над этим раздумывать, я осторожно положила собаку на бок и принялась обследовать. Мне быстро удалось нащупать пульс. Маленькое сердечко билось, и это меня несказанно обрадовало. Затем я принялась искать рану и обнаружила ее у собаки на голове. Обычно взъерошенная, за правым ухом шерсть намокла и слиплась. Раздвинувшие ее пальцы тут же ощутили теплоту крови. Ранка, правда, оказалась совсем неглубокой, но само по себе это мало о чем говорило. Я продолжила тщательно ощупывать голову.

Тони приоткрыла один глаз и жалобно заскулила. Я стала ласково ее успокаивать, одновременно проверяя скорость ее реакций. Собака часто дышала и заметно дрожала, но в остальном ее состояние налаживалось. Похоже на то, что все обошлось. Вероятнее всего, Тони ударили первым, что попало под руку, просто чтобы поскорее от нее отделаться. Испуг тут же уступил место злости. Кому она помешала?! И тут я вздрогнула и судорожно сглотнула, поскольку внезапно

хорошо поняла кому. Вернее сказать чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.